

18+ Екатерина Квинберг

Война и мир на планете Фрэнкс

Екатерина Квинберг Война и мир на планете Фриурус

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51385758

ISBN 9785449833181

Аннотация

Эмилия – девушка из обычной семьи. Ей пришлось преодолеть множество испытаний на своем пути к счастью, ведь в ее жилах течет кровь сразу двух противоборствующих племен. Она получила магическую силу благодаря своей любви к лебрийскому воину из племени оборотней. Эмилия рассказывает о своем захватывающем путешествии, позволившем ей пройти путь от обиженной жизнью девочки до великой волшебницы.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	56
Глава 3	83
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Война и мир на планете Фриурус

Екатерина Квинберг

© Екатерина Квинберг, 2020

ISBN 978-5-4498-3318-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Едва открыв глаза рано утром 7 июля 2012 года, я тут же бросилась проверять свой магический шар: ведь это день моего рождения! После активации шар сразу же пропел песенку «С днем рождения тебя!» и заполнил пространство вокруг множеством ярких разноцветных огоньков, весело забегавших по стенам и потолку. Маленькая комнатка словно ожила: желтые, розовые и бирюзовые зайчики радостно заскакали по круглому столу, кровати и портретам на комод. Мне даже на секунду показалось, что моя сестра, обнимавшая на фото моего годовалого племянника, тоже увидела волшебные огоньки и заулыбалась.

Это было так красиво и трогательно, что я на какое-то время забыла о том, что придется провести свой день рождения в полном одиночестве.

Вдруг из шара выпрыгнуло сообщение и, взметнувшись в воздух, торжественно заявило: «Дорогая Эмилия, поздравляем тебя с днем рождения и желаем тебе поскорее закончить учебу, вернуться домой и стать послом Лебрии в Триулесе! Твои коллеги».

БУМ!!! Ура! Кажется, счастьем быть!

Словно замороженная, я еще несколько минут смотрела на это сообщение, повисшее в воздухе над магическим шаром, пытаюсь осознать всю важность момента... и представ-

ляя себя женой Морта! Как-то само собой, случайно, из шара скромно показалось письмо от него и робко повисло рядом с поздравлением, только что полученным от бывших сотрудников. Я постоянно перечитывала переписку с Мортом, поэтому ничего удивительного в самовольном появлении сообщения не было.

Улыбаясь, я в который раз с любовью перечитала его и, все еще мечтая о нашем счастливом будущем, дотронулась до обоих сообщений, терпеливо покачивающихся над магическим шаром. Вдруг произошло неожиданное: оба сообщения соединились и вместо них появилась яркая волшебная искра, переливающаяся золотым и серебряным цветами. Искра пробежала по комнате и вселилась в мой красный зонт, мирно лежавший на комод у кровати.

Не поверив своим глазам, я подскочила к комоду, схватила зонт и взмахнула им. Тот рассек воздух и оставил за собой полосы волшебного-золотистого света. Это был самый настоящий волшебный зонт! Я направила его на небольшую красную лампу на комоду и попыталась произнести заклинание:

– Абракадабра! – торжественно объявила я. Зонт лишь выпустил пару шипящих искр и притих. – Сим-сим, откройся! – навела я волшебный зонт на дверь встроенного гардеробного шкафа. Ничего.

– Ты странный! Но я обязательно разгадаю твой секрет! – полным надежды и энтузиазма голосом молвила я, глядя на свой необычный подарок.

Так я и стала обладательницей своего собственного магического зонта. Судя по истории его происхождения, основным предназначением зонта было помочь мне стать счастливой рядом с Мортм. Ведь сообщение пришло от Морта!

Морт – мужчина моей мечты! Мы познакомились три года назад в Триулесе, когда он приехал служить в посольстве своего племени. Это была любовь с первого взгляда.

Мой коллега привел его к моему столу для знакомства. Я работала риелтором в посольстве Лебрии в Триулесе и знала все о его квартире.

Они подошли в тот момент, когда я просто закопалась в делах, и мне было абсолютно не до знакомств. Но, повернув голову и увидев перед собой высокого, накачанного, широкоплечего мужчину, очень напоминающего какого-то знаменитого актера, я немного растерялась, что не ускользнуло от его внимания. Кажется, он почувствовал меня с первых минут нашего знакомства, уже тогда, когда я встала со своего стула, чтобы пожать его руку. Она была теплой, а его карие глаза какими-то знакомыми, будто я знала его всю жизнь.

Как Морт признался позже, обнимая меня в той самой квартире, о которой я все знала, сначала он и не надеялся на взаимность с моей стороны. В момент нашей первой встречи я показалась ему неприступной. Он видел во мне серьезную девушку, сосредоточенную на своей работе. Однако он сразу счел меня весьма привлекательной, восхитившись моей фигурой, упругой смуглой кожей и моими серы-

ми глазами. Я очень скучала по моментам нашей близости и с предвкушением ждала окончания тех полутора лет, которые ему осталось дослужить в армии.

С тех самых пор как не стало моих родителей, я мечтала о своей семье: о сильном муже, военном, который сможет подставить плечо, не оказавшегося в нужную минуту у моей мамы. Я очень люблю и уважаю маму, но мне до сих пор крайне тяжело оправдать ее поступок. Свести счеты с жизнью из-за какой бы то ни было проблемы – это верх безумия! Я никогда не смогу понять ее.

Сейчас, когда все проблемы этого мира навалились на мои хрупкие женские плечи, я повторяю себе, что всегда есть выход из любой, даже самой сложной ситуации. Просто необходимо окружать себя правильными людьми, способными в нужный момент вытянуть тебя из коварных лап депрессии и полнейшего чувства безнадеги. У моей мамы таких людей в ту трудную минуту рядом не оказалось. Я никогда не пойму ее умом, если только сердцем. Будь я на ее месте и став в пятнадцатилетнем возрасте свидетелем убийства одного родителя другим, я бы тоже была травмирована на всю жизнь. Да, мой дедушка убил мою бабушку, когда та подала на развод, и сел в тюрьму, оставив мою маму и ее младшую сестрѐнку с братом сиротами. А когда вышел, его дети были уже взрослыми и навсегда потерянными для него, потому что они так никогда и не простили его за содеянное.

Эта ли детская травма или постоянное безденежье и без-

работица толкнули мою маму на отчаянный шаг, я не могу сказать однозначно. Однако знаю наверняка, что когда твой самый близкий и родной человек ломается и уходит навсегда в мир, возврата из которого нет, боль утраты, обиды и горечи становятся твоими спутниками на всю жизнь.

Эти состояния в себе очень сложно подавить, и поэтому возникает потребность в более сильных, более жизнеутверждающих чувствах, пробуждающих желание жить и радоваться жизни вопреки всему. Мои чувства к Морту были именно такими. Я дала себе обещание во что бы то ни было стать счастливой. Я дала себе обещание быть сильной. Я дала себе обещание выстоять перед любым испытанием и доказать самой себе, что добиться счастья может даже самая обыкновенная девочка из неблагополучной семьи. И мои дети будут мною гордиться.

Так откуда же все-таки появилась магия в то утро? Волшебство свершилось благодаря тому, что искренняя любовь соединилась с невероятным желанием быть счастливой. Морт был моим первым и единственным мужчиной, которому я отдала свою чистоту и девственность. Я действительно очень любила его.

Именно поэтому мои бывшие сотрудники, зная об этой любви, решили помочь мне стать ближе к нему. Иначе как я смогу стать послем Лебрии? Ведь тут я простая студентка, якобы приехавшая повышать уровень лебрийского. Но всем и так понятно, что именно любовь к Морту заставила меня

покинуть родной Триулес и отправиться за ним. Мне придется выйти за него замуж, и лишь потом я смогу стать послом его племени.

По правде говоря, затея с приездом в Лебрию не совсем себя оправдала. Пошел уже второй год, как я жила и училась в Гокачи, одном из самых восхитительных городов Лебрии, а с Муртом удалось повидаться лишь однажды, когда он был пролетом в местном аэропорту. Меня это тревожило, хотя переживать было особо не о чем: он же военный чужого для меня племени, конспирация и секретность тут на первом месте. Да и отношения между Триулесом и Лебрией не совсем радужные. Существует негласное противостояние между племенами оборотней, кентавров, орлов и другими, населяющими нашу планету Фриурус, постоянно раздираемую конфликтами.

С момента нашего знакомства с Муртом меня не покидало ощущение того, что он изначально считал меня какой-то разведчицей, что неудивительно, учитывая обстоятельства и место нашей первой встречи. Всякий раз, пытаясь найти подтверждения своим догадкам и не находя их, он мило приподнимал брови и смотрел на меня таким ошеломленным взглядом, что я невольно начинала улыбаться в ответ.

Отношения между нашими племенами были настолько напряженными и натянутыми, что никому и в голову не могло прийти, что кого-то вот так запросто можно, не завербовав, отправить работать в посольство враждебного племени.

Его удивление плавно сменялось изумлением, а затем переходило в гордость и осознание собственной крутизны. Ведь тот факт, что я не была завербованной, давал ему основание сделать два чрезвычайно важных, если не сенсационных на тот момент вывода: во-первых, я испытывала к нему искренние чувства, и, во-вторых, мое племя меня за это не убило. Хотя прецеденты случались.

Я и сама не раз задавалась этим вопросом: почему мне позволили вот так спокойно, без всякого инструктажа контактировать с представителями чужого племени? Работая в посольстве, я инстинктивно ощущала, что окружающие знают о происходящем больше меня. Иногда я объясняла это себе тем, что являюсь представительницей сразу двух племен: орлов и кентавров. Дело в том, что обитатели планеты Фриурус в древности были кентаврами, эльфами, орлами, оборотнями, пожирателями и другими существами.

Постепенно, благодаря магии и естественным природным процессам, мы эволюционировали до своей нынешней человеческой формы. Тем не менее в моменты опасности или ярости мы способны снова превращаться в тех существ, от которых изначально произошли. Когда эти сильные эмоции утихают и опасность минует, мы снова приобретаем свой человеческий облик. Каждое племя обладает особыми способностями, которые позволяют ему защищаться.

Мой папа был представителем племени орлов, которые живут в стране под названием Супрея, а мама наполовину

принадлежала к племени кентавров, обитающих в Триулесе. Несмотря на то что родилась в Триулесе, я была постоянно окружена супрейскими традициями. Мама всегда разговаривала с нами на супрейском, так как Триулес раньше был частью Супреи. Но потом произошел распад Супреи, и некоторые области заявили о своей независимости. Одной из таких областей и оказался Триулес. Моя семья на себе испытала все тяготы первых лет независимости.

Было настолько тяжело, что приходилось часами стоять в очередях и по карточкам получать обычные, казалось бы, продукты. Все было нормировано и заранее просчитано вплоть до грамма.

Детство у меня было не всегда радужным, но родители неустанно повторяли мне и сестрам, что учеба и трудолюбие помогут выкарабкаться из этой ямы. Благодаря их поддержке и наставлениям я была влюблена в учебу и мечтала о светлом будущем. Я считала, что если буду учиться на круглые пятерки, то все мои проблемы решатся. Наивная.

Но тем не менее это может объяснить тот факт, что меня не завербовали. Во мне видели усердного, старательного ребенка, который остался без родителей и пытался добиться в этой жизни чего-то большего, нежели могла предложить судьба. Это понимал и Морт – представитель племени оборотней из Лебрии. Это понимали и кентавры, которые позволили мне работать в посольстве Лебрии в Триулесе без вербовки. Это понимали и орлы, так как в то время я училась

заочно в Супрее и каждый год ездила туда сдавать экзамены. Орлы и оборотни питали особую неприязнь друг к другу. Вражда между ними была особенно ожесточенной.

Я всегда чувствовала, что вокруг меня что-то происходит: с момента моего знакомства с Муртом, окружающие начали вести себя как-то иначе. Несмотря на то что я была чужой и для кентавров, и для орлов – смешанной, скорее всего, кто-то надеялся, что мои искренние чувства к Мурту способны помочь в разрешении противостояния, длившегося уже более полувека с момента окончания Великой войны.

Вот почему я так обрадовалась, получив это пожелание от моих сотрудников. Фактически оно означало негласное прекращение или, по крайней мере, смягчение этого противостояния. Именно поэтому оно было так важно для нас с Муртом.

Я не стала первой сообщать ему об этом, но была уверена, что он и так обо всем узнает, между нами существовала какая-то невидимая связь: он всегда звонил и писал мне, когда происходило что-то важное.

Все эти мысли ворохом пронеслись в моей голове, пока я заваривала себе кофе и готовилась к работе. Сердечко на моем бокале с надписью на лебрийском «Я тебя люблю» сегодня выглядело особенно мило. Этот бокал я притащила с собой с другого конца света, и он очень многое значил для меня. У него даже имелась специальная стеклянная крышечка, которую я тоже привезла с собой из дома. Это был

любимый бокал моей сотрудницы. Она подарила его, когда поняла, что мне он тоже очень сильно понравился. Моя соседка по комнате, Кэйси, взрослая, умудренная жизненным опытом женщина, при взгляде на него каждый раз задавала один и тот же вопрос:

– И охота тебе было тащить его через такую даль? В Лебрии полно посуды на любой вкус и цвет. Выбирай, какую хочешь. И цены очень демократичные, гораздо дешевле ваших, – говаривала она.

Но я с тоской смотрела на этот бокал и не хотела никакой другой. Мне нужен был именно он.

По небольшой кухне уже успел разлиться аромат утреннего кофе. В холодильнике я нашла немного ветчины и сыра. Наскоро приготовив бутерброд, я решила выйти на балкон. Точнее, это была запасная деревянная лестница на случай пожара. В истории Гокачи случалось много пожаров, когда город сгорал дотла. Его восстанавливали заново, и он менялся до неузнаваемости. Теперь это был огромный мегаполис с шикарными небоскребами в центре у озера и множеством маленьких параллельных улочек, в которых легко можно было заблудиться. А отличительной особенностью города стали запасные деревянные лестницы.

Я редко сюда выходила по утрам, так как работа начиналась спозаранку. Но сегодня был особенный день: я получила волшебную силу. Эта сила должна была помочь осуществиться моим мечтам.

Сделав глоток кофе, я немного поморщилась: все еще слишком горячий. Лучше начать с бутерброда. Я поставила бокал на деревянные перила лестницы перед собой и принялась за бутерброд. С тоской я расфокусировала взгляд и попыталась смотреть поверх зданий, загораживающих горизонт.

Двор моего трехэтажного дома был со всех сторон окружен другими зданиями. Справа виднелась калитка, которую приходилось всегда запирать: Гокачи был небезопасным городом. На влажной траве блестели лучики летнего утреннего солнца. Я с надеждой взглянула вверх на источник света, вздохнула и допила последний глоток кофе. Предстоял долгий, но, судя по всему, волшебный день.

* * *

Прошло несколько долгих и мучительных месяцев ожидания. Ожидания весточки от Морта. Однажды утром я включила магический шар, а там меня уже поджидало письмо. В письме он спрашивал, соскучилась ли я и хотела ли его увидеть. Думаю, ответ был очевиден. Ну, конечно же, я скучала. Поэтому, когда он предложил приехать к нему в Навилеш, где он был проездом по работе, я сразу же согласилась.

Дорога была неблизкой: он ждал меня в Навилеше, но лететь нужно было через Шралот. Билеты туда и обратно он мне заранее прислал, что было очень мило с его стороны,

учитывая тот факт, что я – обычная студентка и не могу позволить себе такую роскошь. Перед отлетом из Гокачи я занялась одним из любимейших дел: обошла все магазины и выбрала себе красивое серое делового стиля платье выше колен, желая подчеркнуть, что я девушка все-таки серьезная, а также пару шикарного нижнего белья. Также я приобрела туфли на огромном каблуке, которые позже сыграли со мной злую шутку. Будучи невысокого роста, я всячески старалась придать себе значимости и статности при помощи туфель на высоченных каблуках.

В день отлета я не рассчитала время. Я и подумать не могла, что аэропорт Гокачи настолько огромен. Готовясь к путешествию, я заранее выяснила, что мне придется добираться до нужного терминала на поезде, курсирующем внутри аэропорта. Однако мне и в голову не могло прийти, что что-то пойдет не так.

Собственно, в аэропорт я опоздала из-за тех самых туфель на гигантском каблуке, будь они неладны! Пока доковыляла на них до станции метро, прошла целая вечность. Кроме того, мое новое «деловое» платье бесконечно норовило как-то не по-деловому задраться повыше, так что приходилось постоянно останавливаться и поправлять его, чтобы прохожие не приняли меня за девушку легкого поведения.

Когда я наконец-таки добралась до, как мне в тот момент казалось, нужного мне терминала, то уже пришлось бежать к стойке регистрации, дабы окончательно не пропу-

стить свой рейс. Я даже уточнила у прохожего полицейского, туда ли я бегу, и он вместе со своими друзьями-полицейскими с уверенностью подтвердил, что туда.

Каково же было мое разочарование, когда сотрудник у стойки регистрации объяснил, что я попала не по адресу! Вместо того, чтобы пройти к стойке регистрации для вылета в Навилеш, я пожаловала к стойке для вылета в Шралот: рейс был пролетом через Шралот, поэтому регистрироваться нужно было на рейс в Навилеш. Сотрудник смотрел на меня с удивлением и сожалением, а я испытывала глубочайшее чувство досады за свою глупость. О чем я только думала?

До вылета оставался почти час, и у меня еще был шанс добраться до нужной стойки. Проблема заключалась в том, что бежать нужно было далеко, в другой терминал. Но я не сдавалась: я мчалась настолько быстро, насколько это было возможно на большущих каблуках и в то и дело задиравшемся наверх «деловом» платье. У смотрящего мне вслед полицейского, ранее подсказавшего правильный путь к стойке, было очень довольное выражение лица при виде этого зрелища.

А я мчалась навстречу своей мечте: не могла же я упустить свой дирижабль – такого никогда не случалось раньше. А раньше я работала стюардессой и пропустила свой рейс лишь однажды из-за того, что проспала. Но ведь тогда я училась заочно и страдала хроническим недосыпом.

Все эти мысли роились в моей голове, когда я подбегала к стойке регистрации на мой рейс. Я уже предвкушала пред-

стоящий полет на борту Лебрийских авиалиний, когда грубый женский голос заставил меня вернуться в реальность:

– Мэм, регистрация на рейс окончилась десять минут назад. Сожалею, но вы опоздали.

Я не могла поверить своим ушам.

– Но ведь дирижабль все еще здесь, вот мой билет и документы. Может, вы могли бы мне как-то помочь, – все еще надеясь на чудо, настаивала я.

– Нет, мэм. Все что вы можете сделать – это поменять билеты на следующий рейс.

Выбора особо и не было. Что обо мне теперь подумает Морт: в кои-то веки мы решили встретиться, и я умудрилась так жестко облажаться. Это было непростительно.

Я тут же написала Морту и объяснила, почему поменяла билеты на ночной рейс.

Назад домой я вернулась с чувством глубокого разочарования, к тому же у меня на нервной почве разболелся живот. Но любовь требует жертв, поэтому путешествию суждено было случиться, невзирая ни на какие препятствия.

Вечером я была уже умнее: я не стала отказываться от туфель с высоченным каблуком и делового платья, но заказала себе такси до аэропорта, решив, что второй раз мне может так не повезти, и билет на пропущенный рейс в итоге может обойтись гораздо дороже, нежели оплата такси. Спустя несколько часов после утомительной процедуры досмотра я уже летела навстречу своей любви.

Моя любовь уже ждала меня в аэропорту Навилеша. Как обычно, конспирируясь, он подошел ко мне сзади, пока я ничего не подозревала. Это была его любимая игра: в той самой квартире, о которой я все знала, он любил прятаться по углам длинного темного коридора, и, пока я утром шла сонная из спальни в столовую, он вдруг нежданно-негаданно вылетал как гром среди ясного неба и наскакивал на меня, начиная обнимать и целовать. Встреча в аэропорту напомнила мне те наши счастливые минуты. Морт позволял мне чувствовать себя ребенком в этом огромном, не всегда дружелюбном, полном зависти и злости мире.

Догнав, он приобнял меня за плечи, и я инстинктивно потянулась за поцелуем. Но поцелуй ждал меня лишь позже, в машине. Проклятая конспирация! Зато его автомобиль вполне мог конкурировать с машинами из знаменитых фильмов про шпионов, которые спасают мир. Я не очень разбираюсь в марках, но эта была шикарной: красная спортивная машина, способная мгновенно развивать огромную скорость. Дело в том, что представители племени оборотней не умеют летать как, скажем, орлы. Именно поэтому их любовь к быстрым машинам столь сильна.

Дорога до отеля не заняла много времени. Сам отель поразил меня своими размерами и обилием зелени. Чего тут только не было: внутри словно вырос небольшой лес. Казалось, где-то вдали журчал водопад. Вокруг весело чирикали птички. Воздух был пропитан ароматом свежести. Вме-

сто обычного потолка в круглом своде отеля сквозь маленькие окошки виднелось светло-голубое небо. Пока мы шли до номера по тропинке с разбросанными по ней скамейками, я уже представляла нас с Муртом целующимися вечером на одной из них.

Уединившись наконец в номере, мы позволили себе обняться. Я прижалась к нему всем телом. Думаю, слова о том, как я по нему скучала, не сообщили бы ему больше информации, чем эти объятия. Взглянув в его глубокие глаза, я увидела тоску: он тоже скучал. Его пухлые губы коснулись моих и заставили мое сердце биться со скоростью света. Я старалась не дышать, пытаюсь прочувствовать его присутствие каждой клеточкой моего тела. Его ладонь скользнула по моей талии, затем опустилась ниже. Я сняла туфли и тут же оказалась на две головы ниже него. Он нагнулся ко мне и крепко обнял.

Это был наш обычный ритуал там, дома, в Триулесе. Всякий раз, когда я приезжала к нему, он встречал меня долгими крепкими объятиями, словно пытаюсь прочувствовать с их помощью, как прошел мой день, что со мной происходило, пока его не было рядом. Этих минут было достаточно, чтобы потом вообще не разговаривать. Мы просто стояли так, в объятиях друг друга, дышали в унисон, и все было ясно.

Наш номер выглядел вполне сносно для любовного гнездышка. В центре располагалась огромная кровать – самый главный элемент любого гнездышка. Напротив нахо-

дился магический шар для новостей, а в конце комнаты был небольшой балкончик с видом на лесной дворик отеля.

Я быстро приняла душ и прыгнула в кровать. Морт обнял меня и крепко прижал к себе. Это были самые долгожданные минуты за весь последний год. Мне нравилось, когда он наваливался на меня всей массой своего тела и я чувствовала себя такой защищенной и неуязвимой. Мы могли пролежать так вечность, обнимая и целуя друг друга.

После секса я любила разглядывать его татуировки: их было много по всему телу. Одна мне нравилась особенно: слово «ТРИУМФ» на лебрийском языке. Оно было написано огромными буквами на внутренней стороне его правой руки. Я любила водить своими длинными ногтями по очертаниям букв. Иногда я их целовала. Мне казалось, если я заряджу это слово энергией своих поцелуев, то в наших отношениях наступит тот самый триумф, мы поженимся и будем жить вместе долго и счастливо.

До встречи с Мортом люди с татуировками казались мне по меньшей мере странными. Когда Морт начал при нашей первой встрече у него дома показывать одну за другой свои татуировки и рассказывать об их значении и истории, я их полюбила. Он всегда пропадал в самых горячих точках нашей планеты: ему было жизненно необходимо постоянно видеть эти вдохновляющие символы. Может, он мысленно повторял себе при взгляде на слово «Триумф», что он выживет и вернется невредимым к своим родным и близким.

Я как-то ему сказала, что тоже хочу такую татуировку. Моя затея ему не особо понравилась.

– Если ты решишь сделать татуировку, делай ее так, чтобы она была незаметной под одеждой. Мне, например, трудно скрывать свои, когда я иду на какое-то важное совещание. Приходится надевать рубашку с длинным рукавом, – заботливо наставлял он. – Но лучше не портить свою кожу всем этим.

– Но я хочу постоянно видеть именно это слово «Триумф», чтобы оно всегда напоминало мне о том, что сдаваться нельзя. До победного, – настаивала я, глядя его руку. – Почему именно это слово? Почему не «Победа», «Виктория» или какое-то другое?

– Мой отец ездил на мотоцикле марки «Триумф». Он недавно умер. А я люблю мотоциклы. Я даже думаю заняться сборкой мотоциклов после ухода из армии.

– Я уверена, что у тебя получится. Ты очень талантливый. Я бы на твоём месте уже сейчас занялась бы чем-то таким, – с надеждой отвечала я. Ведь если Морт уйдет из армии, не нужно будет расставаться на несколько лет в ожидании окончания его контракта.

– Я прослужил в армии больше семнадцати лет. Еще пара лет, и я могу спокойно уйти в отставку и продолжать ежемесячно получать чек с оплатой за выслугу. Я дослужился до командира и могу пойти еще дальше, если останусь в армии еще на пять лет.

– Ты же не останешься в армии еще на пять лет?! – тревожно перебила его я.

– Нет. – Морт не любил обсуждать свою личную жизнь и работу. Оставалось только гипнотизировать слово «Триумф» на его руке и верить, что он не решит остаться в этой армии еще черт знает на сколько. Я же не могу ждать его целую вечность! Хотя и люблю до безумия.

Спустя какое-то время захотелось есть. Я немного вздремнула, пока Морт смотрел новости по магическому шару, а потом мы отправились за едой.

Еда на Фриурусе имеет магические свойства: никогда не знаешь, что ожидает тебя после очередного приема пищи. Бытует мнение, что еда особо подвержена магическому воздействию и через нее проще всего влиять на вражеское племя. Именно поэтому вожди-маги из вражеских племен накладывали заклинания на еду друг друга, а страдают обычные люди. Чаще всего человек, съевший заколдованную еду, превращается на какое-то время в привидение. Но потом ко многим возвращается их человеческий облик.

Перед тем как отправиться есть, мы решили посмотреть на магические фонтаны. Удобно расположившись на скамейке, мы наблюдали за тем, как под музыку одна за другой из земли вздымаются струи воды, превращающиеся затем в красивых волшебных птиц. Они радостно пели и, взлетая, скрывались из виду за пределами отеля. Зрелище было чудесным.

Затем мы поели немного пищи и еще погуляли. На скамейках вдоль тропинок романтично обнимались парочки. На них падал лишь приглушенный свет фонарей, так что лиц влюбленных практически нельзя было разглядеть. Я потянула Морта за руку и взглядом указала на одну из скамеек. Он лишь покачал головой и потащил меня дальше по тропинке.

Я не могла понять, в чем дело. Я так соскучилась по нему. Мне хотелось романтики. Вместо этого ему взбрело в голову обойти весь отель вокруг. Мы зашли в здание с обратной стороны и поднялись на наш этаж. Длинный коридор был устлан красной дорожкой. Пока мы по нему шли, нам встретилось несколько отдыхающих, которые почему-то улыбались нам.

По пути в номер Морт обратил мое внимание на мужчину, следующего за нами по пятам:

– Видишь этого мужчину в рубашке с пальмами? – озадаченно задал он вопрос. – Он постоянно ходит за нами.

– Но ведь это может быть простой отдыхающий, у него даже пальмы на рубашке нарисованы, – попыталась отшутиться я, хотя мужчина и мне казался странноватым.

– Это все для отвлечения внимания, – ответил Морт с видом знатока, который ведал, о чем говорит.

Я не знала, что именно он имел в виду, но этот случай меня насторожил. Возвращаясь в номер, я также ощущала грусть от предстоящего расставания. Тем временем Морт начал звонить в администрацию, пытаясь узнать, будут ли в отеле свободные номера на новый год. Тревога начала по-

степенно спадать: раз ему интересно, свободны ли номера, значит, мы должны были скоро снова увидеться.

В ту ночь я засыпала рядом с ним со смешанными чувствами, однако чувство надежды все же преобладало. Как обычно, он крепко обнимал меня, пока я не заснула.

* * *

То, что произошло следующим утром, навсегда изменило мою дальнейшую жизнь. Мы поднялись с утра пораньше, чтобы Морт успел отвезти меня в аэропорт. Выпив по чашке кофе, мы отправились в путь. Было еще темно, и весь отель крепко спал. Морт направился к стойке администратора что-то уточнить, а я остановилась на маленьком красивом мостике. Я мирно наслаждалась видом небольшой симпровизированной речки, как вдруг почувствовала, что земля уходит у меня из-под ног и я теряю сознание.

Не помню, что именно происходило дальше. Сквозь туман до меня доносился лишь отчаявшийся голос Морта. Он успел подхватить меня перед падением и уже нес к кафе, располагавшемуся неподалеку. Я чувствовала, как бешено колотится его сердце. Мне хотелось очнуться, успокоить его и сказать, что все хорошо. Но я ничего не могла поделать: я не владела собой. В какой-то момент мне послышался плачущий голос моей мамы. Потом я потихоньку начала приходить в себя.

Рядом на столе стояли стаканы с водой, я схватила первый попавшийся и жадно его выпила. Полегчало. Морт все это время придерживал меня.

Как я и говорила, еда на нашей планете больше всего подвержена колдовскому воздействию. Только я не понимала, кто и за что в тот день наложил заклятие на мою пищу, из-за чего я на какое-то время превратилась в привидение.

Морт начал тревожно расспрашивать меня, бывало ли со мной такое раньше. Я ответила отрицательно. Я никогда до этого не теряла сознание. У Морта был убитый вид. Убедившись, что я не скрываю от него никакую тайную болезнь и что мне стало лучше, он немного успокоился.

По пути в аэропорт мы почти не разговаривали: каждый пытался осознать только что произошедшее. Я мучила себя вопросом о том, кому я перешла дорогу. Морт лишь задумчиво вел машину, глядя прямо перед собой. Вдруг я обратила внимание, что моя сумка подсвечена каким-то зловещим красным светом. Заглянув внутрь, я увидела свой магический зонт. Я прикрыла его вещами, чтобы Морт не заметил это странное свечение и не принял меня за сумасшедшую колдунью. Очевидно, зонтик оказался не таким и безобидным, как я предполагала. Я инстинктивно ощущала, что он принес нам несчастье. Как же выяснить, был ли он причиной моего недавнего обморока? Жалко, что зонты не могут говорить.

Провожая, Морт поцеловал меня и попросил написать,

как только я доберусь до Гокачи. Мы и раньше с ним прощались на долгое время, когда он улетал из Триулеса. Мы уже проходили через испытание расставанием. Но в этот раз все было иначе. Меня терзало ощущение, что мы видим друг друга в последний раз. Я пыталась отогнать от себя эти мысли, но они упорно лезли в голову.

* * *

Прошло несколько дней. Жизнь постепенно вернулась в прежнее русло. Я спокойно продолжила работу и учебу.

Однажды днем из магического шара возникла проекция моей подруги – кентаврихи Аяксы, всегда очень интересовавшейся моей личной жизнью. Мы познакомились с ней, когда учились на стюардесс в школе авиации. С тех пор я успела сменить несколько работ и закончить университет в Супрее, однако подругу менять не стала.

– Ну как все прошло? – спросила она громким басом. Ее грубый голос иногда заставлял меня вздрагивать. – Встретились все-таки? – надменно поинтересовалась подруга.

– Да, все-таки долетела я до него. Но больше времени провела в дороге, чем с ним. – Я с грустью отвела взгляд в сторону, не желая в который раз лицезреть кривую ухмылку Аяксы. Вот сейчас она снова примется ругать моего мужчину и убеждать меня в том, что он плохой. – Представляешь, я глупая, умудрилась опоздать на рейс. Так бы мы с ним боль-

ше времени провели вместе. Сама виновата.

– Мог бы и побольше времени тебе уделять, – язвительно заметила заботливая подружка.

– Но у него серьезная работа. Аякса, не забывай, что он военный. Он не принадлежит сам себе, – защищала я любимого человека. – Скоро закончится его контракт, и мы сможем пожениться.

– А он обещал, что женится на тебе? – словно ножом полоснула по моему сердцу истинная подруга.

– Мы не обсуждали это. Ему нельзя говорить на такие темы. Я представитель чужого племени. По большому счету, ему нельзя со мной встречаться, пока он служит в армии.

– Он водит тебя за нос, а ты как наивная дура ждешь его уже несколько лет. Хоть бы какая-нибудь пуля пролетела мимо и нечаянно угодила в него, – совсем одурела моя лучшая подруга.

– Ты нормальная вообще? Аякса, вот поэтому я вас и не стала знакомить. Думай, что говоришь! – разозлилась я.

Мне было крайне тяжело унять ее заботливый пыл, порой переходивший все мыслимые и немыслимые границы.

Аякса всегда расспрашивала меня о моих свиданиях с Мортгом. Я рассказывала ей все в деталях, так как своей личной жизни у нее не было и она фактически жила моей. Хотя она и встречалась с каким-то парнем из кентавров, но это было несерьезно.

На этот раз мне даже показалось, что в узеньких глазках

Аяксы промелькнула радость, когда я сообщила ей о своем неожиданном обмороке. Меня терзало смутное сомнение, что она втайне мне завидовала. Ее бесконечная критика в адрес Морта в свое время заставила меня принять решение о том, что я не буду их знакомить, хотя того всегда очень интересовало, какие люди меня окружают.

– Ты что покрасила волосы? – наконец сменила тему великодушная подруга. Помимо критики моего мужчины, она любила раздавать советы по поводу моей внешности. Вообще, макияж и уход за собой были ее любимыми темами для обсуждения. Однажды она даже поругалась с нашей общей знакомой – мастером из салона красоты из-за того, что та не так покрасила ее волосы. Ей хотелось стать русой блондинкой, а вместо этого получился совсем другой цвет.

Я просто как-то позвонила нашему общему мастеру записаться на окрашивание. Пришлось долго выслушивать огорченную взрослую женщину, которая была очень обижена на Аяксу, и мне стало ее жаль. У нее и так была тяжелая форма аллергии, приобретенная за долгие годы работы с химическими веществами для волос, а тут еще приходилось терпеть недовольство неблагодарных клиенток. Она проводилась с волосами Аяксы несколько часов, но желаемого оттенка добиться так и не удалось. Но что такое были чувства обычной парикмахерши по сравнению с цветом волос самой Аяксы?!

– Да, перекрасилась в светло-русый цвет. Тут, в Гокачи,

я не знаю хороших мастеров. Одна знакомая посоветовала салон красоты. Пришлось тащиться на другой конец Гокачи, но оно того стоило, – дипломатично поддерживала я диалог. – Ты тоже, кажется, сменила цвет?

– Да, я тут нашла новый салон неподалеку от моего дома. Пришлось несколько часов просидеть, чтобы получился этот оттенок. Всегда хотела быть блондинкой, – гордо молвила она. – Хочу еще сходить почистить лицо, эти прыщи меня замучили уже. Когда они пройдут?

– Когда замуж выйдешь, – улыбнулась я. – По себе знаю. Мужик тебе нужен, подруга, и уже давно, судя по твоему личику, – пошутила я. Но, как и в каждой шутке, в моей тоже была доля истины. Мне казалось, что моя подруга была такой вредной из-за того, что не получала мужской ласки. В глубине души я даже испытывала к ней жалость.

– Да ладно! Ты же знаешь, как сейчас тяжело с этим. Кажется, что принц на белом коне сдох по дороге ко мне. Жду его, а он все никак не доскачет.

– Ну конечно, так и старой девой недолго остаться.

– Да мне уже не нужно, чтобы он был на коне. Пусть хотя бы на ишаке прискачет. Я приму его даже таким.

На этой фразе я не выдержала и покатила со смеху. Наверное, поэтому я и не послала Аяксу до сих пор. Ее юмор и отношение к жизни в целом перевешивали негативные моменты. Хотя чем взрослее мы становились, тем сложнее мне было с ней общаться.

Аякса обратила внимание на мой зонт и спросила, где я такой взяла. Я лишь сказала, что это обычный зонтик и что он очень хорошо защищает в плохую погоду. Погода в Гокачи и вправду была не подарок. Зима оказалась очень длинной и холодной.

Однажды поздно вечером, когда было особенно дождливо и ветрено, я решила воспользоваться своим волшебным зонтом, чтобы окончательно не промокнуть. В какое-то мгновение стало настолько холодно от брызг дождя, что у меня промелькнула мысль о том, как здорово было бы сейчас не идти пешком целый квартал, а быстренько долететь до дома. Едва я успела об этом подумать, как зонт воспарил ввысь и мигом домчал меня до дома.

Пролетая над симпатичными домиками, я не могла поверить в происходящее. А как же сила гравитации? Ведь мне должно было быть тяжело держаться за зонт. Ничего подобного! Я испытывала невероятную легкость, пока парила в воздухе. И даже брызги дождя уже не казались мне такими холодными.

Долетев до дома, я воодушевленно сложила зонт, предварительно стряхнув с него капли дождя.

– Какие еще чудеса можно мне ожидать от тебя? – спросила я, глядя на зонт, и тут же обернулась по сторонам в надежде, что никто не слышал, как я разговариваю с неодушевленным предметом.

Вокруг не было ни души. Лишь ветер напевал свои за-

унывные песни и раскачивал голые деревья. Тусклый желтый свет печально мерцал на улице. Он вызывал у меня необъяснимо жуткое ощущение и желание поскорее оказаться дома. Я нащупала в сумке ключ, открыла им стеклянную дверь и поднялась на второй этаж. Дома было тепло и пахло чем-то вкусным. Это Кэйси приготовила для нас курицу в духовке. Она всегда готовила сама, потому что я уходила рано утром и возвращалась поздней ночью.

А «чудеса» не заставили себя ждать. Как-то, возвращаясь домой с учебы, еще в вестибюле я услышала яростные писклявые крики. Зайдя в комнату, я обнаружила на своем столе крошечные проекции двух своих знакомых, ожесточенно борющихся за мой зонт и усердно тянущих его каждая в свою сторону. Видать, я оставила магическую социальную сеть открытой, и их крошечные профили вылезли из магического шара.

Среди моих друзей в магической сети было много бывших коллег и одноклассников. Так вот две из них, моя бывшая коллега Архаба и одноклассница Яил, почему-то наглым образом вторглись в мое личное пространство в попытке похитить мой зонт. Несмотря на то что проекции их профилей были ненастоящими, битва разразилась вовсе нешуточная.

Дело в том, что Архаба принадлежала племени кентавров и жила в Триулесе. Яил же училась со мной в школе в Триулесе до шестого класса, а затем переехала в Лебрию и каким-то образом стала представительницей племени оборот-

ней. Самое интересное, что люди, сочетающие в себе кровь нескольких племен, не обладают всеми способностями представителей племени.

Например, я, будучи лишь наполовину орлицей по папе и кентаврихой по маме, не могу ни летать и читать мысли, как орлы, ни копировать чужие способности путем физического контакта, как кентавры.

Меня особенно поражало то, с какой ловкостью Яил управлялась с магическим лучом силы, что было исключительной способностью оборотней. А ведь она даже не была чистым оборотнем. По-видимому, случилось то, что Яил переехала в Лебрию еще в детском возрасте. Помимо способности бороться с помощью луча силы, оборотни также могли превращаться в любое животное. Это было особенно противно: никогда невозможно было предугадать, в кого еще они превратятся в следующую минуту. С другими племенами было гораздо легче: по крайней мере, знаешь, чего от них ожидать.

Я попыталась их разнять, но у меня ничего не вышло. Оставалось лишь наблюдать за разворачивающимся перед моими глазами зрелищем. Едва я успела выхватить у них зонт, как сражение перешло в стадию апогея: Архаба полностью превратилась в кентавриху и со злостью стучала своими копытами по моему бедному столу. То есть туловище у нее было лошадиным, а вот лицо осталось прежним, только волосы существенно подросли и косматыми локонами спадали

вниз по ее торсу. Тем временем Яил уже обернулась в серого шакала и на задних лапах начала приближаться к разгневанной кентаврихе.

В какой-то момент из передней лапы шакалихи вырвался очередной луч силы, который повалил на пол бедную кентавриху Архабу. Немного оклемавшись, та резко встрепенулась и в мгновение ока встала на все свои четыре копыта. При этом она задела одним из своих копыт шакалиху и тем самым переняла у нее дар владения лучом силы. Это и было отличительной способностью кентавров: они не обладали способностями как таковыми, но могли с успехом копировать чужие способности после физического контакта. Правда, недолго.

Было очень смешно наблюдать за тем, как Архаба приподнимает свое переднее копыто и из него вырывается луч силы, от которого Яил успешно уворачивается. В какой-то момент шакалиха подбежала к кентаврихе сзади и вцепилась ей в гриву, отчего та взвыла диким лошадиным воплем. По-видимому, инстинкт самосохранения взял верх, и Архаба решила отступить. В два прыжка она доскакала до магического шара и прыгнула внутрь. Но перед тем как полностью скрыться из виду, ее полулошадиная физиономия повернулась и бросила злобный взгляд на меня и мой зонт.

Яил же тем временем попыталась вырвать зонт у меня из рук, но услышав мое резкое: «А ну-ка, брысь отсюда!», попятилась назад к шару. Спустя несколько секунд, шакали-

ха последовала примеру кентаврихи и удалилась восвояси, точнее, на свою страничку в магической соцсети. При этом вид у нее был крайне недовольный, словно она провалила данное ей кем-то задание.

Я простояла в раздумье еще несколько минут, держа в руках все тот же зонт, мучимая лишь одним вопросом: что же он такого может делать, что за ним началась охота в прямом смысле этого слова. Я еще сама не до конца понимала его возможности. Ну, подумаешь, долетела на нем однажды до дома в дождливую погоду. Делов-то! Главная ценность зонта лично для меня заключалась в том, что он каким-то образом должен был помочь нам с Муртом воссоединиться и жить вместе долго и счастливо.

Зонт был плодом нашей с Муртом любви, и никто не имел никакого морального права отбирать этот зонт у меня! Никто! В тот момент я приняла решение, что буду защищать этот зонт от всякого, кто на него посягнет.

Однако разыгравшаяся на моих глазах битва крайне встревожила меня. Ни кентавриха, ни шакалиха не могли действовать сами по себе. Во-первых, они просто не могли знать о наличии у меня зонта. Во-вторых, с какой такой стати он им понадобился? Кто-то, очевидно, очень хочет воспользоваться волшебной силой этого зонта. Но кто и с какой целью?

После вышеописанного события моя жизнь начала стремительно катиться под откос. Люди вокруг стали какими-то нервными. Кэйси перестала готовить еду для нас обеих, хотя раньше делала это с удовольствием. Когда я спрашивала причину, она аргументировала это тем, что мне пора самой учиться хорошо готовить.

Готовить я умела, не на уровне шеф-поваров, естественно, но вполне сносно. Однако у меня катастрофически не хватало времени на это, поскольку на работе тоже начали происходить «чудеса».

Дело в том, что я работала кассиром в компании по аренде велосипедов. И к нам в офис стали захаживать откровенно спятившие с ума люди. Это были клиенты компании из разных уголков Фриуруса. По природе своей они всегда были чем-то недовольны. А в последние дни как будто с цепи сорвались. Как-то раз один из них даже угрожал взорвать наш офис вместе с нами. Учитывая, что данный индивид был из той части планеты Фриуруса, где такие взрывы дело обычное, слова его трудно было интерпретировать как шутку. Вскоре после этого наша компания наняла охрану, следившую за тем, чтобы никакой псих нас действительно не взорвал.

Затем я стала замечать, как мои и без того доселе недружелюбные сотрудники стали еще более враждебными. Дело в том, что мы все принадлежали к разным племенам, так как

Лебрия была страной, куда беспрепятственно стекались люди с разных уголков планеты.

Что касается моей работы, то у нас в офисе преобладала круговая порука: люди помогали только своим соплеменникам. Так получилось, что все мои работающие там соплеменники были кентаврами. Так как я кентавриха лишь наполовину, то и отношения складывались точно также – «наполовину».

Мне было особенно тяжело привыкнуть к тому, что в офисе все ругались матом. Когда мне изначально предложили работать в настоящем лебрийском офисе, я была вне себя от счастья. Иностранным студентам в Лебрии запрещено работать официально, поэтому мне часто приходилось перебиваться случайными подработками продавцом в магазине. Кроме того, у меня не было личного транспорта, и часто приходилось просить знакомых ребят подбросить меня до торгового центра, который находился в полутора часах езды от Гокачи.

Другую работу найти было нереально. Когда моя знакомая – кентавриха сообщила, что у ее мужа на работе есть открытая вакансия, я пришла в восторг. Работа находилась в пределах Гокачи, хотя райончик был так себе, конечно. Там постоянно кого-то грабили. Мне было страшно устраиваться туда на работу, но все же это было лучше, нежели тратить половину дня только на дорогу.

По прошествии некоторого времени после устройства

на новую работу, я почувствовала, что начинаю деградировать среди своих новых коллег. Я надеялась, что меня будут окружать лебрийцы и я смогу практиковать язык, узнавая что-то новое. И, действительно, я узнала очень много матерных выражений на лебрийском языке. От некоторых из них у меня волосы становились дыбом. Другие же я, к своему превеликому счастью, просто не понимала.

Отдельные наши клиенты были на удивление безмозглыми людьми, постоянно чем-то недовольными, и, казалось, специально провоцировали конфликты. Некоторые знали всего пару слов на лебрийском, хотя уже полжизни прожили здесь. Им просто невозможно было объяснить элементарные вещи. Каждый хотел получить самый быстрый и навороченный велосипед, желательно за бесценок. Велосипеды были очень популярны в Лебрии, так как страна ограничивала использование машин в попытке сократить вредные выбросы в атмосферу и спасти природу.

Вдобавок ко всему, наше же руководство заставляло нас продавать клиентам компании страховку на случай аварии. Эта страховка действовала на них как красная тряпка на быка: они готовы были разорвать нас на мелкие кусочки, лишь бы не переплачивать эти несколько дополнительных копеек.

Больше всего меня раздражала обстановка, в которой мы работали: нам приходилось орать клиентам через небольшие окошки в стене, когда мы хотели им что-то сообщить. Там,

за окошками, в часы пик выстраивались длинные очереди из людей со всех уголков Фриуруса. Порой зал был битком набит людьми: все они громко спорили и зачастую переходили на крик.

В нашем офисе было несколько таких окон, и у каждого из них на высоких крутящихся стульях сидело по одному человеку. Вдоль окошек тянулся сплошной деревянный стол с выдвигаемыми шкафчиками, в которых мы хранили выручку. У меня иногда начинало колоть сердце, когда кто-нибудь из моих коллег, словно нарочно, со всей силы хлопал таким шкафчиком. В часы пик от всего этого хлопанья, ора и матов по обе стороны окон стоял такой гвалт, что мне хотелось просто схватиться за голову и бежать оттуда.

Я не понимала, как я докатилась до такой жизни. А ведь многие мне даже завидовали. Их раздирала зависть из-за того, что я работаю в настоящем офисе, в то время как некоторым из них пришлось драить полы, прежде чем добиться хотя бы какого-то успеха. Они не понимали, через что мне ежедневно приходилось проходить ради этой «престижной» работы.

Как-то одним из вечеров к моему окошку подошел с виду нормальный клиент из какой-то недоразвитой страны. Он точно не был лебрийцем. Все шло спокойно, пока я не предложила ему страховку. Это было правилом компании, которое я не могла нарушить, иначе мне грозило увольнение. В ответ этот тип начал меня материть на чем свет стоит и да-

же затронул честь моей умершей мамы.

После того как он ушел, я пыталась всеми силами сдерживать слезы. Над нами на потолке висели магические шары, в прямом эфире транслирующие руководству все происходящее в офисе. Я не могла позволить себе распустишь нюни как какая-то слабачка. Кроме того, за мной постоянно пристально следили коллеги, которые тоже были из других стран, негласно враждующих с племенами, кровь которых текла в моих жилах. Они не понимали, кто я, поэтому бесконечно подвергали меня проверкам. Но всему есть предел. В тот вечер я не выдержала и убежала в туалет. Мне просто хотелось запереться на миллион замков и огородить себя от всей этой мерзости.

Спустя какое-то время один из моих сотрудников поступал и попросил, чтобы я вышла. Я вернулась на рабочее место, несчастная и разбитая. Как ни странно, поздним вечером этот мерзопакостный клиент вернулся раньше запланированного времени: у него действительно произошла авария. Он был очень напуган. Мои коллеги после этого стали обходить меня стороной, думая, что я ведьма и наслала на него проклятие. А мне всего лишь было больно от того, что человек, не зная моей жизни, обозвал меня и моих родителей грязными словами. Да, ему было тяжело, но я тоже несла свою ношу. Внутри каждого из нас идет своя борьба. Нельзя вот так без разбору кидаться на людей.

После этого случая я начала задумываться о смене рабо-

ты. Девочка из соседнего отдела как раз только поступила в университет и планировала уходить. Она предложила руководству устроить меня на свое место. Я сначала обрадовалась, но эта радость была недолгой. Оказалось, что именно в этот период необходимо было сдать гигантский отчет по лицензиям на все имеющиеся в нашем распоряжении велосипеды. Это был очень важный отчет, так как речь шла о больших деньгах. Одна неверная цифра – и не сносить мне головы.

Кроме того, меня и тут доставали разъяренные водители велосипедов. Только теперь все было даже хуже. Если раньше меня защищала стена и нужно было общаться с ними только через окошко, то теперь у них был ко мне свободный доступ через дверь. Пока я ломала голову над важным отчетом, с периодичностью в пять минут в двери вырисовывалась недовольная физиономия очередного водителя, мне приходилось все бросать и объяснять ему, почему администрация города прислала штраф на его велосипед.

Доказать, что они нарушили правила дорожного движения, когда были на велосипеде, было практически невозможно. Я и сама не понимала многого. Зачем вообще водителям велосипедов высылали штрафы и заставляли получать лицензию на вождение? Когда ты сам в глубине души с чем-то не согласен в своей работе, то она становится каторгой. Именно такой каторгой стала для меня эта новая, более престижная работа.

В довершение ко всему, рядом со мной в одном кабинете работал назойливый толстый парень по имени Коланис. Пухляш буквально доставал меня своей бесконечной пустой болтовней и вопросами не к месту. Он узнал, что я трачу почти всю свою зарплату на учебу, чтобы сохранить статус студента. У меня не было гражданства Лебрии, и поэтому я могла жить там только по учебной визе. Этот факт крайне опечалил пухляша, и он решил мне помочь по-дружески:

– Выходи за меня замуж! – с довольной улыбкой заявил находчивый парень, очень похожий на колобка. – Получишь гражданство, и не надо будет мучиться со всеми этими статусами.

– Спасибо, конечно, но я как-нибудь сама потихоньку, – недоуменно ответила я, глядя на начальника нашей охраны, седовласого мужчину с улыбчивыми глазами. Он частенько приходил к нам в кабинет поболтать о том о сем. Казалось, ему доставляло истинное удовольствие слушать наш с Коланисом диалог.

– Да я ничего такого не предлагаю: просто выйдешь за меня и будешь мне готовить еду раз в неделю, – не растерялся мой потенциальный жених. – Я большего не прошу.

– Так я не умею готовить, – облегченно ответила я, с удовольствием заметив, как наш охранник еле сдерживает смех. – Я и дома не готовлю, готовит моя соседка по квартире.

– Ну ладно, готовить тоже не надо. Просто так выходи! –

отчаянно настаивал горе-жених.

– У меня уже есть жених, – пришлось мне соврать, лишь бы отшить проворного сотрудника. – Мы любим друг друга.

– Ну и кто он? – не сдавался пухляш.

– Он – гордость лебрийской армии, – торжественно заявила я, отвернулась и продолжила работать над злополучным отчетом, цифры которого упорно отказывались сходиться.

После этого настойчивый коллега еще долго не отставал от меня с расспросами о Морте. Ему было интересно, как мы познакомились и почему не жили вместе. Мне же хотелось поскорее доделать долбаный отчет и желательно найти другую работу, подальше от этого нахального типа. Он был неплохим парнем, наоборот, все в нем было слишком хорошим. Чересчур, я бы даже сказала. Добрые весёлые глаза с длинными ресницами, пухлые щечки. Когда я была на туфлях без каблуков, он даже казался немного выше меня ростом. Только что закончил университет, вполне себе перспективный парень. Но, увы. Не мое.

Взвесив все за и против, я решила никого не мучить и вернуться на свое прежнее место у окошка. Цифры в отчете так и не сошлись, парень был симпатичный, но постепенно начал меня раздражать. Водители теперь имели ко мне прямой доступ и доставали меня даже тут. Долго я бы так не протянула.

К моему великому удивлению, обнаружилось, что мои

прежние клиенты по мне скучали и постоянно спрашивали у моих коллег, куда я исчезла. Им просто не на кого было больше так орать: я была удобным слушателем их ора, так как никогда не отвечала им матом, как это делали мои коллеги. Девочки-сотрудницы из других стран иногда произносили вслух такие слова, что весь офис на какое-то время в ужасе замирал. Иногда эти ругательства были смешными, и мы даже умудрялись над ними поржать. Но в целом мне было тяжело долгое время находиться в такой атмосфере.

Я, может быть, даже и сама бы использовала пару крепких словечек для особо «понятливых» клиентов, но рядом со мной трудились ребята из моего племени кентавров, а для них это стало бы позором. Вообще, сам факт того, что я одна приехала в Лебрию и работала в месте, где вот так ругаются, был постыдным для девушки из племени кентавров. Но я была кентаврихой лишь наполовину, поэтому мне это прощалось. Однако я всегда чувствовала напряжение в общении между мною и моими соплеменниками кентаврами.

Мне порой казалось, что они хотели защитить меня от всей этой грязи. Однако они не всегда могли это сделать, и это их злило. Когда на меня начинал кто-то орать, им было обидно за этим наблюдать, и в меру своих возможностей они старались меня от всего этого огородить. Но они не могли со мной бесконечно нянчиться, им тоже нужно было работать. Я все это прекрасно понимала. В глубине души мне было досадно, что я не могла постоять за себя. Была бы я

парнем, вот бы я показала этим клиентам-матерщинникам.

В какой-то момент напряжение стало невыносимым. Мне и до того приходилось несладко, но после драки Яил и Архабы все стало совсем плохо. Крики, маты и намеки теперь стали регулярными.

Однажды я ехала на работу в такси и размышляла над бренностью бытия, когда вдруг услышала вопрос:

– Откуда в Лебрию пожаловала такая красавица? – приветливо спросил седовласый мужчина лет пятидесяти.

– Я из Триулеса, но наполовину орлица, – скромно улыбувшись, ответила я.

– На учебу приехала? – продолжал интересоваться любознательный таксист.

– Да, я тут и работаю, и учусь.

Незнакомцу стало очень интересно, где и кем я работаю, поэтому я поведала ему и о работе, и о трудностях, ежедневно испытываемых мною на этой работе.

Оказалось, что у него был свой магазинчик, и им как раз нужна была сотрудница: его сыновья не справлялись с наплывом клиентов.

Сначала я обрадовалась своему «случайному» везению, и мы обменялись контактной информацией. Затем я узнала кое-что, омрачившее мою изначальную радость. Мужчина оказался представителем племени верблюдов из Ясиура. Он с семьей переехал в Лебрию тридцать лет назад и имел

магазин, попутно подрабатывая таксистом.

Проблема была в том, что орлы и оборотни вели негласную борьбу за влияние на Ясиур, и я ни капельки не хотела быть хоть каким-то образом замешана в этом гиблом деле. Выйдя из такси, я даже дала себе обещание, что не буду звонить своему новому знакомому.

Но в офисе велосипедной компании обстановка стала настолько накаленной, что дальше терпеть уже просто не было сил. На меня целыми днями кто-то орал и что-то у меня требовал. Однажды я даже не досчиталась определенной суммы денег от выручки за день. Я не знаю, куда исчезли деньги. Мне пришлось компенсировать разницу из своей зарплаты. Я бы не смогла постоянно возмещать недостающие суммы, так как нужно было чем-то платить за учебу и квартиру. Еще нужно было на что-то жить.

Создавалось такое ощущение, что меня специально вынуждали уйти на эту потенциальную работу в ясиурском магазине.

Во всяком случае, на новой работе мне не придется терпеть крики представителей разных племен Фриуруса. Такова была логика моих действий, когда я увольнялась из велосипедной компании и устраивалась на новое место, хотя в глубине души, меня крайне тревожило все происходящее.

* * *

Новое место работы действительно оказалось более тихим, чем предыдущее. От меня требовалось лишь улыбаться клиентам магазина и следить, чтобы все лежало на своих местах. Сын хозяина, Зарех, всегда приветливый, вежливый и остроумный юноша производил на меня какое-то успокаивающее действие. Это был высокий парень лет двадцати трех с приятными зелеными глазами и светлыми волосами.

Зарех показался мне тонким психологом. Он всегда пристально смотрел на меня, пока что-то рассказывал, словно пытаясь уловить мельчайшие детали в моем поведении, благодаря которым можно понять своя я или чужая. Мы с ним прекрасно поладили и порой обсуждали достаточно острые темы. Он знал очень многое и отлично разбирался в текущей обстановке на Фриурусе. Когда я спросила, откуда у него такая осведомленность, он просто ответил:

– Сначала я смотрю новости на лебрийском канале, затем переключаю на ясиурский и смотрю, что говорят там. А потом я делаю свои собственные выводы.

Меня поразила простота и гениальность этого подхода. Дело в том, что в Ясиуре уже на протяжении нескольких лет велись боевые действия. В племени верблюдов началась гражданская война: группа повстанцев, спонсируемая лебрийскими оборотнями, устраивала протесты против ясиурского государства, требуя смены власти.

Поскольку Зарех родился и жил в Лебрии, он, соответственно, был на стороне повстанцев и очень интересовался

всем происходящим в его стране, так как там жили родственники, которых он периодически навещал. Однажды, когда он возвращался назад, службы безопасности Лебрии устроили ему допрос. В другой раз те же самые службы безопасности преследовали его на машине, а затем заставили лечь на землю, чтобы проверить, не представляет ли он для них угрозу. Словом, несладко живется ясиурцам в Лебрии, несмотря на то, что некоторые из них даже родились там и уже практически стали такими же оборотнями, что и лебрийцы. Они всегда будут там чужими, и с ними постоянно будут обращаться как с людьми второго сорта.

* * *

Как-то утром я проснулась от громких криков. Забыла выключить магический шар, и из него доносился какой-то шум. Подойдя к шару, я увидела следующую сцену: люди в спортивной одежде с ужасом разбегаются в разные стороны от произошедшего только что взрыва. Я тут же начала перечитывать новостные заголовки и поняла, что кто-то устроил взрыв на марафоне в Остонбе, одном из городов Лебрии.

Когда я подъезжала к работе, то заметила, что возле магазина убраны все урны для мусора. Зайдя в магазин, я заинтересовалась у Зареха, где все урны и что все это означает. Зарех объяснил, что их приказали убрать вышестоящие органы, поскольку бандиты устроили переполох в Остонбе,

заложив взрывчатку в мусорные баки. Я была очень удивлена, что происшествие, о котором я узнала из новостей, каким-то образом коснулось и нас. Ведь мы жили за тысячи километров от Остонба. Гокачи был относительно спокойным городом, но в таких случаях лишняя предосторожность не повредит.

На следующий день выяснилось, что взрыв организовали два студента из племени орлов. Вот тут-то и разразилась кульминационная битва между моими друзьями из магической соцсети. Кто-то из них открыто обвинил Лебрию в том, что оборотни сами все подстроили. В ответ на вопрос, зачем им, собственно, все это нужно, прозвучал вполне себе разумительный ответ: государство Лебрии управляется классом миллиардеров. Эти миллиардеры делают деньги, пока само государство тонет в гигантских долгах. Чтобы отвлечь внимание от исполинского государственного долга Лебрии, те же самые миллиардеры подстраивают все эти взрывы и создают нестабильность в других государствах вроде Ясиура, одновременно привлекая на свою сторону больше союзников.

Честно говоря, лично мне было по барабану до государственного долга Лебрии и их внутренних проблем. Что меня тревожило, так это то, что обстановка вокруг меня каким-то фантастическим образом накалилась до предела. Умом я понимала, что данная теория с долгом имеет право на существование, ведь я сама читала каждый день газеты и зна-

ла об этом громадном долге. Но я не думала, что взрывами и провокациями можно решать такого рода проблемы. Как показывали последние события – можно.

* * *

По большому счету меня мало волновала вся эта внешняя суета вокруг меня. Гораздо больше я переживала из-за того, что Морт совершенно перестал выходить со мной на связь. Где он, когда он мне так нужен?! Именно сейчас, когда происходит столько всего странного и непонятного вокруг, куда он исчез? Он и раньше подолгу не писал, но в этот раз пауза очень уж затянулась. Со дня нашего прощания в аэропорту, я не получила от него ни одного сообщения.

Я уже начала переживать и решила написать Морту сама, чего старалась раньше не делать. Ответа не последовало.

Как-то вечером мне было особенно плохо: мозг судорожно пытался анализировать происходящее вокруг, пока я сидела и читала новости, которые с каждым днем становились все более тревожными. Вдруг комната озарилась кровавым светом. Я повернула голову к комоду, на котором лежал зонт. Тот ни с того ни с сего внезапно начал испускать яркие красные лучи. У меня даже появилось ощущение, что зонт питается моей энергией: чем хуже я себя чувствовала, тем ярче он сверкал.

Это странное явление теперь повторялось чуть ли не каж-

дый вечер. Я начинала ненавидеть этот магический зонт. Что хорошего он мне принес? Кроме всех этих тревожных событий и страхов? Неужели Морт потерян для меня навсегда?

Постепенно отношения начали ухудшаться и с Зарехом. Он намекал на то, что я должна была встать на чью-то сторону в случившихся событиях. Я же ему мягко давала понять, что мне очень жаль людей и что все происходящее в его стране очень печально. Но какое отношение к этому имею я, и с какой стати должна вставать на чью-либо сторону? У меня у самой вообще-то проблем по горло. Так почему я еще должна создавать себе новые неприятности, влезая в ситуацию, о которой не имею ни малейшего представления? Кажется, Зареха очень бесила такая моя позиция.

Помимо работы трудности начали возникать и в колледже. Если раньше я могла спокойно и дружелюбно общаться со всеми сокурсниками, то сейчас практически все они обходили меня стороной. На уроках каждый мой казался бы совершенно обычный ответ на какой бы то ни было вопрос воспринимался как официальное политическое заявление. Я чувствовала себя изгоем. Теперь мне не с кем было даже сходить в кафе во время перемен: все были какими-то загадочными неприступными.

Это меня откровенно начало бесить. Еще этот зловещий зонт сверкал по ночам. Сам собой в голове возник вопрос: а не было бы лучше для меня и людей, меня окружающих, если бы я каким-нибудь образом избавилась от этого злопо-

лучного зонта? Может, мне его выбросить?

* * *

Мой магический шар теперь сутками напролет вещал о каких-то странных и загадочных событиях. Друзья из магической соцсети как по команде превратились во врагов, и от них исходила сплошная негативная энергия. На работу тоже не хотелось ходить: общение с Зарехом практически сошло на нет. Я даже устроилась еще на одну работу, кассиром в кафе, на всякий случай, предчувствуя, что вот-вот могу лишиться этой. Кто тогда будет платить за учебу?

В школе все продолжали меня сторониться. Я начинала бояться за свое будущее.

Одним из способов решения проблемы, как мне тогда казалось, могла стать деактивация магического шара. Если хорошо разобраться, все началось именно с него и все сообщения приходили через него. Поэтому стоило его на какое-то время деактивировать и подождать, пока все успокоится. Так я и поступила. В надежде, что скоро все само собой утрясется, я старалась не контактировать с людьми без особой необходимости.

Новости я узнавала в библиотеке неподалеку. Библиотеки в Лебрии были настоящим раем: там можно было за раз взять хоть двадцать, хоть тридцать книжек – главное, вовремя вернуть, иначе придется заплатить огромный штраф. Кроме то-

го, тут можно было бесплатно пользоваться магическим шаром.

Здесь всегда было полно людей: пожилых, подростков, мамочек с детьми. Для них устраивали специальные интересные занятия и кружки. Сама библиотека представляла собой небольшой зал, разделенный на две части. С левой стороны стояли ряды стеллажей с книгами на любой вкус. Справа располагалась столики с магическими шарами. Рядом с ними находился детский уголок с разноцветным ковриком и игрушками.

Я часто приходила сюда за книгами. Теперь, когда мой магический шар был деактивирован, я старалась посещать это место минимум раз в неделю.

В один из таких дней я пришла проверить сообщения и узнать новости. Открыв одну из своих соцсетей, я увидела сообщение от друга нашей семьи Фареяла. Оно было окрашено в кровавый цвет. Мое сердце замерло от страха. Открыв сообщение, я почувствовала, как в моих венах стынет кровь. Фареал писал: «Эмилия, во вторник похоронили Аскону...» и что-то там еще. Я не в силах была читать дальше... В глазах помутнело, будто меня стукнули чем-то тяжелым.

Внутри меня начинала подниматься буря. Как похоронили? За что? Что такого могло случиться, что мою бедную сестру похоронили? Мой разум отказывался в это верить.

Я безумно смотрела на строчки сообщения, подсознательно пытаюсь найти какую-то ошибку или опечатку... Ошибки

не было. Слово «похоронили» было написано предательски четко.

Я медленно опустила голову на стол перед собой и заревела. Мне хотелось орать. В библиотеке было полно людей. Повисла гробовая тишина, словно окружающие заранее, еще до моего прихода сюда, знали, что у меня в семье произошло горе. Я поднялась и выбежала оттуда.

Я неслась несколько кварталов до дома, пока в голове крутился один и тот же вопрос: за что?!

Я понимала, что моя сестра не могла умереть сама, она была лишь на несколько лет старше меня и никогда ничем не болела. Ее убили.

* * *

Домчавшись до дома, я бросилась к магическому шару и активировала его. Я стала звонить домой к тете Маар, сестре моей мамы. Она заменила нам маму, когда мы остались одни. Тетя долго не отвечала, так как в Триулесе уже была ночь. Я рыдала и продолжала звонить. Наконец она вышла на связь:

– Что случилось? Что с Асконой?

– Эмилия, крепись. Мы должны быть сильными: Асконы больше нет...

Последовал целый час расспросов и объяснений, в результате чего я так и не поверила в причину ее смерти: у нее слу-

чился инсульт. Инсульты просто так сами по себе не случаются!

Мне предстояло поехать домой и выяснить, что там действительно произошло. Тетя либо не знает, в чем дело, либо боится мне рассказать. Я должна все выяснить сама. Моей семье и мне угрожает смертельная опасность. Те, кто приложил руку к убийству моей сестры, еще пожалеют об этом.

Вдруг я кое-что вспомнила. Проклятый зонт! Где этот поганый зонт?! Я уничтожу его!

Найдя зонт под столом, я взяла его в руки и со всей силы швырнула об стену, так что из него посыпались искры. Подобрав зонт с пола, я раскрыла его и принялась колотить им по столу, по кровати, по двери, по всему, что попадалось под руку, пока от него не остались одни ошметки. Собрав их в кучу, я вынесла все на крыльцо и подожгла.

Завтра я куплю билет и начну собираться домой в Триулес.

Глава 2

Полет до Триулеса занял почти двадцать часов. В аэропорту меня должны были встретить тетя Маар и моя средняя сестра Фирая вместе с водителем дяди Тэтиуса. Дядя Тэтиус, муж тети Маар, был талантливым инженером и работал в престижном месте. Тетя тоже работала в государственной организации по управлению водными ресурсами. Моя вторая сестра, Фирая, занималась воспитанием маленького сыночка, нашего Винсента – ребенка, посланного нам свыше.

Дело в том, что Фирая в детстве заболела тяжелой болезнью: ей парализовало всю правую сторону. Для нас всех, особенно для мамы, это стало огромным ударом. Вместо того, чтобы благополучно пойти в первый класс школы, начала которой она ждала с таким нетерпением, сестренка попала в реанимацию, и ее вернули буквально с того света. Долгие годы ушли на то, чтобы научить ее заново ходить, говорить и читать. Теперь она была взрослой красивой женщиной – зеленоглазой блондинкой с пухлыми губами. Ей все равно удавалось оставаться привлекательной несмотря ни на что.

Мы всегда переживали, что она не сможет жить нормальной жизнью. Мама пыталась сделать все, что было в ее силах, чтобы вылечить Фираю. В то время, после развала, мы едва сводили концы с концами, не говоря уже о дорогостоящем лечении. При каждой удобной возможности мама пыталась

свозить сестру на море, на свежий воздух или прикупить ей побольше фруктов и витаминов, чтобы хоть как-то улучшить ее состояние.

Когда сестра начала общаться с парнем из племени орлов и забеременела, я была вне себя от счастья. Врачи категорически запрещали рожать, но она пошла наперекор всем и подарила миру здорового красивого голубоглазого крепыша – любовь всей нашей семьи.

Летя на дирижабле, я предвкушала предстоящую встречу, ведь я не видела родных почти два года. До этого я не покидала дом на столь длительное время. Я должна была прилететь ранним утром.

По прибытии я подошла к стойке пограничного контроля. Сотрудник за стеклом старался не смотреть в мои красные и опухшие от слез глаза. Он что-то очень долго проверял у меня в паспорте, а затем подозвал своего коллегу. Мысленно я начала прокручивать сцены, которыми делились со мной соплеменники: некоторых из них по прилету из Лебрии допрашивали в специальных комнатах.

Я уже внутренне готовила себя к одной из таких сцен, когда мне протянули паспорт и сказали, что все в порядке: пройти иммиграционный контроль я могу, но выехать за границу – нет. В тот момент я вряд ли планировала ехать куда-либо еще, учитывая обстоятельства моего нынешнего прилета. Мне все же стало интересно, по какой такой причине я стала «невъездной». Сотрудники аэропорта объясни-

ли, что мой паспорт должен был что-то прописать при проверке, но он не прописал. Чтобы куда-то улететь, мне нужно обратиться в центральную иммиграционную службу для дальнейших разъяснений.

Пройдя наконец все процедуры, я вышла в зону прилета пассажиров. К моему удивлению, тетя и сестра еще не приехали. Как это обычно бывает, в аэропорту ко мне подлетело множество настойчивых таксистов, от которых было трудно куда-либо скрыться. Не имея ни малейшего желания находиться здесь даже минутой дольше, я выбрала первого попавшегося таксиста и отправилась домой.

* * *

Чем ближе мы подъезжали к дому, тем больше у меня ныло сердце: почему меня не встретили, что могло случиться? Вид моего двора немного успокоил: тут все осталось по-прежнему родным, словно не было этих двух лет разлуки. Машина подъехала к подъезду длинного кирпичного дома и остановилась. Нужно было как-то поднять мои гигантские чемоданы на четвертый этаж. Выйдя из машины, я вдохнула теплый воздух полной грудью и осмотрелась по сторонам: аллея напротив показалась мне более зеленой, а люди вокруг стали еще более медлительными. Это потому, что я приехала к мегаполису вроде Гокачи, а Дабешах был намного тише и спокойнее, хотя и являлся столицей Триулеса.

Водитель помог поднять чемоданы на четвертый этаж и спешно удалился. Дойдя до двери, которая оказалась новой и теперь была темно-бордового цвета, я с замиранием сердца нажала на звонок. Раздался протяжный громкий звук. Дверь открыл дядя Тэтиус. По его виду можно было понять: семья только что пережила трагедию. Дядя Тэтиус редко позволял себе проявление эмоций, но даже он выглядел крайне подавленным. Под его голубыми глазами появились глубокие синяки, а волосы стали совсем белыми от седины. Дядя обнял меня и занес оба чемодана в коридор. С его ростом почти в два метра это не составило для него никакого труда.

Несмотря на трагический повод моего поспешного возвращения, дома я с первых же секунд почувствовала себя намного лучше, хотя квартира была не совсем в том виде, в котором я ее покидала. Домашние наклеили новые обои вместо старых бежевого цвета. Теперь они стали темно-сиреневыми и понравились мне с первого взгляда. На кухне красовался новенький серый диван, а сквозь открытую дверь гостиной я успела разглядеть новую шикарную стенку до потолка.

Как оказалось, тетя Маар и Фирая поехали меня встречать в аэропорт, но разминулись со мной по пути. Пока водитель дяди, Муршад, вез их обратно, я склонилась над мирно спавшим в гостиной Винсентом, и слезы тихо потекли из моих глаз.

Белокурый малыш спал ангельским сном. Когда я улета-ла, ему было всего три годика и он только-только начинал

говорить свои первые слова. Как рассказывала мне сестра, он очень скучал по мне и, каждый раз видя проплывающий в небе дирижабль, предлагал всем собраться и полететь ко мне. Я по нему тоже очень скучала.

Спустя какое-то время приехали тетя и сестра: мы обнялись и поплакали вместе. Я была рада видеть их после долгой разлуки. Тетя сразу принялась меня кормить приготовленными по случаю моего приезда голубцами. Попробовав первую ложку бульона, я поняла, чего мне так не хватало все эти годы, и словно ожила. Тетя и мама всегда готовили одинаково вкусно. Я никогда, наверное, не смогу так готовить, даже если потрачу на учебу тысячу лет. Голубцы были настолько вкусными, что просто таяли у меня во рту. Один только их запах чего стоил! Пахло свежей зеленью, вареной картошкой и капустой. Пахло домом.

Затем мы с Фираей пошли разбирать мои чемоданы: я привезла им подарки и хотела поскорее их показать. Войдя в комнату, я с радостью обнаружила, что тут все осталось прежним: те же светло-розовые цветочки на обоях, которые тетя с дядей выбрали, когда в прошлый раз делали ремонт. Сервант для одежды по-прежнему находился рядом с книжными полками, которые стояли одна на другой и больше напоминали шкаф. На полу лежал все тот же красный ковер с затейливым орнаментом. Только диван был другим. Тетя купила на кухню раскладной диванчик, обтянутый тканью, напоминающей леопарда. Но он оказался слишком узким

для столовой, и она перенесла его в мою комнату. Мне же он понравился сразу: он сэкономил много места, так как днем я могла его собирать, а на ночь раздвигать, превращая в удобную кровать.

Подарки всем очень понравились. Это в основном была одежда, которую я купила перед самым отъездом из Гокачи. Не могла же я прилететь домой с пустыми руками. Хотя настроения делать покупки не было абсолютно. Но порой ничего не остается, кроме как собрать всю волю в кулак, стиснуть зубы и делать то, что должен.

* * *

Прошло несколько дней с момента моего возвращения. Я потихоньку привыкала к мысли о том, что у меня больше нет одной из сестер. Домашние старались не думать постоянно о постигшем нас горе. Тетя пыталась отвлечься на насущные проблемы: нам для столовой давно нужен был хороший обеденный стол. Поисками его мы и занялись.

После смерти мамы тетя с дядей делали все, чтобы нам с сестрами комфортно жилось рядом с ними. У них никогда не было своих детей, и они без раздумья приняли над нами опеку, когда мы остались одни. Порой меня посещает мысль о том, что мама потому и ушла из жизни так спокойно, что знала – ее родная сестра нас никогда не оставит одних. Пока мы были маленькими, тетя постоянно с нами нянчилась

и стала второй нашей мамой.

Стол мы нашли спустя несколько дней поисков. Задача минимум была выполнена. Теперь нужно было отвлекаться от тяжелых мыслей каким-то другим способом. Я решила заняться поисками работы. Днем я обзванивала агентства и просматривала объявления. Тяжелее всего было вечерами, когда разом подступали тяжелые мысли, не давая мне покоя: как и почему все пошло не так?

В один из таких вечеров мы сидели с тетей в столовой и пили чай. Несмотря на негласное табу обсуждать детали смерти Асконы, я все же решилась задать ей этот вопрос:

– Так что там все-таки произошло? – не в силах больше терпеть спросила я тихим голосом. Мой вопрос подействовал на тетю как ушат холодной воды. Она провела рукой по своим светлым кудрявым волосам, поднялась из-за стола и взяла сигарету. Они с дядей недавно бросили курить, но события последних дней перечеркнули все их усилия.

Тетя пошла на кухню к плите, зажгла газ и прикурила от него сигарету. Она была полноватой, но при этой очень милой. Ее красивые карие глаза были наполнены слезами, когда она вернулась ко мне в столовую. Оперевшись спиной на белый кухонный гарнитур, она наконец проговорила:

– При вскрытии в ее организме нашли яд... – Сделав затяжку, она продолжила: – Помнишь этих ребят, с которыми я запрещала ей общаться?

– Каких ребят? – все еще не оправившись от новой ин-

формации, произнесла я.

– Ну тех самых уродов, которых я от нее не могла отогнать. Помнишь, какие скандалы у нас были дома из-за них до твоего отъезда? – с горечью продолжала тетя Маар.

– Да, такое забудешь. Эти мрази ее отравили? Ты ходила в полицию? – выпалила я.

– Да, они что-то отмечали, и она якобы выпила какую-то отраву. В тот день они дома травили насекомых, и эта смесь стояла на столе...

– И что она такая дура, что не отличила бы отраву от чего-то другого? – разъяренно перебила я.

– Я уже говорила это участковому. Я написала на них заявление. Их всех допрашивали, но разве из них теперь что-то вытянешь? Ничего уже не докажешь, и Аскону это все равно не вернет, – всхлипывая, выдавила из себя тетя, и по ее щекам потекли слезы.

– Как не докажешь?! Неужели ничего нельзя сделать?! Что отпечатки пальцев? – не сдавалась я.

– Там повсюду перемешались отпечатки пальцев всех, кто был в этой квартире в тот вечер. Следователь говорит, что это гиблое дело. Он отвел меня в сторону и посочувствовал мне, сказав, что была бы его воля, он бы их всех запер в одной клетке и поджег.

Я встала и обняла рыдающую тетю, тоже не сдерживая слез. Этот разговор расставил все на свои места и заставил меня бояться за нас всех еще больше. Все оказалось еще ху-

же, чем я полагала.

* * *

Время шло. Поиски работы не приносили результатов. Чувство изначальной тревоги сменилось хроническим страхом за семью и депрессией от неспособности что-то с этим сделать. Я бегала по собеседованиям, но дело так и не доходило до найма на работу.

Знакомая кентавриха посоветовала отправить резюме в престижный заграничный банк. Почти все лето я проходила разные испытания и тестирования, но так и не получила от них приглашения на работу.

Я все еще не понимала, как моя жизнь могла так круто измениться всего за несколько месяцев. От Морта по-прежнему не было никаких вестей. Я втайне надеялась, что он выйдет на связь, когда все более или менее утрясется.

Однажды в новостях показали, что между орлами и оборотнями снова вспыхнула борьба за Ясиур. На этот раз еще более ожесточенная. В Лебрии временно прекратило работу правительство, так как необходимо было что-то решать с государственным долгом.

Как-то после очередного просмотра новостей я зашла в свою комнату, и то, что я увидела, заставило меня содрогнуться: она была освещена кровавым светом. Тот самый зонт, который я уничтожила еще в Лебрии, спокойно

лежал на моем серванте и испускал зловещие красные лучи. Я не могла поверить своим глазам, ведь я собственноручно выбрасывала в мусорное ведро пепел, оставшийся после того, как я сначала раскромсала на кусочки, а затем сожгла этот гребаный зонт. В отчаянии я швырнула его на диван. Посыпались шипящие искры и свечение погасло. Неужели эта чертовщина теперь будет преследовать меня всю жизнь?

* * *

Спустя несколько дней работа все же нашлась. Не то что бы это была работа моей мечты, но я была рада уже хотя бы тому, что займусь каким-то делом. А дело заключалось в том, что я должна была вести переписку с коллегами из племени пожирателей из Удвала. Пожиратели поставляли в Триулес кентаврам предметы бытовой техники для дома.

Особенно интересными мне показались вопросы, которые задавали на собеседовании. Хотя я могла бы на него и не попасть: будущее место работы выглядело самой настоящей лесопилкой, и поначалу я даже хотела повернуть назад и уехать домой. Но когда я связалась с бухгалтером компании по магическому шару, оказалось, что я действительно пришла по адресу. Двор, в котором громко жужжала бензопила, и был моим будущим местом работы.

Прежде чем попасть в «офис», нужно было перешагнуть через груды опилок. При этом приходилось следить за тем,

чтобы некоторые из них, вылетающие непосредственно из-под бензопилы и относимые ветром в прохожую часть строительной площадки, ненароком не залетели мне в глаза. Я нагнула голову и почти пробежала мимо многочисленных мужчин в рабочей форме, которые, судя по их удивленным взглядам, никогда до этого не видели девушку в брюках.

У кентавров не принято, чтобы девушки носили джинсы или брюки. Истинные кентаврихи должны всегда ходить в длинных платьях, закрывающих все тело. Я же позволила себе надеть деловые штаны серого цвета и черную майку с глубоким вырезом, который обрамляли рюшечки, и поэтому он был почти незаметен. Войдя в небольшую комнатку, я увидела несколько человек: моего будущего начальника, мужчину лет пятидесяти, и пару его помощников. Начальник сидел за столом, а помощники стояли по обе стороны от него. Рядом со столом находился столик поменьше, рядом с которым размещались два кресла из коричневой кожи. Начальник приветливо указал мне рукой на одно из кресел, приглашая присесть.

– Расскажи немного о себе и о своей прежней работе, – робко начал он. Он говорил на супрейском с сильным акцентом, однако предложения строил грамматически правильно. Что не удивительно, ведь он был чистым кентавром. У него были приятные черты лица, большие добрые глаза и седые волосы.

– Я недавно вернулась из Лебрии. Там я работала касси-

ром. У меня есть опыт работы административным ассистентом и начальником отдела кадров, – очень серьезно ответила я.

– Нам в данный момент нужен переводчик с лебрийского. Мы занимаемся поставками бытовой техники из Удрала. Вся переписка с ними на лебрийском языке. Ты справишься? – продолжил начальник.

– Думаю, да. Мне приходилось делать переводы. Но я не переводчик по специальности, а экономист. – Я решила уточнить это, чтобы потом ко мне не было никаких претензий. Кроме того, я искала работу бухгалтера и на собеседование шла именно с такой целью. – В агентстве мне сказали, что вам нужен помощник по финансам.

– Да, но нам важнее сейчас найти хорошего, грамотного переводчика. Ты училась в Лебрии и должна хорошо знать язык. Ты также будешь готовить финансовые отчеты для бухгалтерии. Здесь крутятся большие деньги, мы заказываем очень много оборудования из Удрала. Там сейчас какая-то путаница в цифрах. Мне нужно, чтобы кто-то с этим разобрался.

– Я согласна, но при условии, что у меня не будет материальной ответственности. Я не буду ничего подписывать, – решила я заранее себя обезопасить.

– Наш бухгалтер введет тебя в курс дела. Он приехал, кстати, из банка? – обратился начальник к одному из помощников.

– Да, сейчас позовем.

– Но нам нужен постоянный сотрудник. Если я возьму тебя сейчас на работу, то хочу, чтобы ты работала тут до пенсии, – на полном серьезе заявил будущий шеф.

– Ну, я не знаю. Мне еще далеко до пенсии. Всякое может случиться, – растерялась я.

– Например, что?

– На самом деле я все лето проходила собеседования на устройство в один из крупнейших банков в Дабешахе. Это очень престижный заграничный банк, и я прошла уже два тура. Во вторник будет третий. Я могу вам сказать свой ответ на следующей неделе? – честно призналась я.

Начальник не ожидал от меня такой откровенности. Он на минуту замолчал и расфокусировал взгляд, наблюдая за лесопильными работами за окном. Затем он проговорил:

– У нас тоже перспективный бизнес. Я вот помимо удральского оборудования закупаю древесину из Супреи. Там еще есть пара прибыльных идей. Зарплатой мы тебя не обидим.

– Да я понимаю. Спасибо, конечно. Но я все лето потратила на прохождение всех этих туров, и во вторник будет последний, после которого решится, пригласят ли меня на работу в банк, – настаивала я.

Раскрылась дверь, и вошел высокий темноволосый мужчина. Он улыбался так, что можно было сосчитать все его тридцать два зуба. Это был бухгалтер. Именно с ним я говорила по телефону, прежде чем прийти на собеседование.

Он развалился в кресле напротив меня, и в его карих глазах заблестели огоньки. Начальник что-то сказал ему на кентаврийском, затем обратился ко мне:

– Это Рыбат, наш бухгалтер. Он тебя всему научит. Всеми отчетами занимается он, поэтому будешь работать с ним напрямую.

– Да, без проблем. Решай свой вопрос во вторник и приходи к нам на работу, – уверенно заявил мой новый собеседник, словно зная, что на ту работу в банк меня уже не взяли.

– Но если я пройду этот третий тур, то лучше пойду работать в банк. Я очень долго училась, и по специальности я экономист. Мне нужна практика, чтобы окончательно не забыть все, чему учили в университете, – упорно настаивала я на своем.

– За практику не переживай, мы ее тебе тут устроим, – ответил самоуверенный тип.

На этом собеседование было окончено. Я вернулась домой в надежде, что меня возьмут на работу в банк и не придется пахать на этой лесопилке. Но как оказалось позже, чересчур уверенный бухгалтер предвидел все заранее. Он звонил мне по несколько раз на день и уточнял, не решила ли я отменить свой поход на третий тур в банк. Он настаивал, чтобы я пришла к ним на работу, и был практически уверен, что я не попаду в этот банк. Откуда у него взялась такая уверенность, ума не приложу. Позже я узнала, что оба его брата работают в комитете национальной безопасности Триулеса.

Может, они ему подсказали.

* * *

Рыбат продолжал названивать, а я продолжала настаивать, что сначала пройду последний тур в банке. Он даже пообещал, что мне не придется работать на лесопилке: мне выделят отдельный кабинет в офисе при магазине в элитном районе Дабешаха, где они продавали купленную технику.

Как и предрекал Рыбат, последний тур я с треском провалила. С утра во вторник ничто не предвещало беды. Я спокойно повторяла финансовые термины и формулы, настраиваясь на финальное тестирование. Вдруг из магического шара выскочило сообщение от Фареяла, который не писал с того момента, как оповестил меня о смерти сестры. Я открыла письмо, и перед глазами снова предстали все ужасы, пережитые совсем недавно. Он просто спрашивал, как у меня дела. Но выше все еще осталось то самое сообщение о смерти.

В памяти одна за другой стали всплывать все сцены последних месяцев. Я только-только начала приходить в себя, настраиваться на новую реальность. А это сообщение словно оживило во мне на время задремавшую боль. В результате все стало валиться из рук. Я кое-как накрасилась, погладила юбку с рубашкой, оделась и побежала в банк на собеседование.

Кроме меня там было еще три человека. Нас всех усадили

в большой светлый зал и дали задания. Времени на выполнение было достаточно, но я вместо решения финансовых задач размышляла о смысле жизни. Сначала я пыталась сосредоточиться на работе, но ничего не шло в голову. Я просто отупела, мозг отказывался думать. Вместо этого я гадала, почему Фареал объявился именно сейчас, спустя четыре месяца. Он стал для меня своеобразным предвестником смерти. Я погрузилась в глубокий транс и пыталась понять, что я снова делаю не так. Я не могу больше никем рисковать. Что-то было не так.

В отчаянии я начала искать какие-то знаки в помещении, где мы находились. Мои конкуренты спокойно решали задания, пока я разглядывала висящие на стенах картины. Сквозь широкие окна ярко светило солнце. За окном виднелось огромное зеленое поле и несколько симпатичных зданий. Немного поодаль возвышались живописные горы. Повезет же тому человеку, который будет работать в этом кабинете. По крайней мере, вид из окна у него или у нее будет шикарный.

Так я просидела в забытьи почти несколько часов. В этом банке работало много иностранцев, а кентавры и орлы, скорее всего, не хотели, чтобы я вступала с ними в какой-либо контакт после всего случившегося, вот поэтому и отправили мне Фареала в качестве предупреждения. Но ведь он был орлом. А Рыбат, который задал бывал меня по телефону, был чистым кентавром. Значит, если дело касается того, чтобы

меня припугнуть, эти кретины находят общий язык. А вот когда нужно решить действительно важные проблемы, тут они вспоминают, что, видите ли, относятся к разным племенам и начинают выкаблучиваться. Ну а в итоге, конечно же, страдаю я и мне подобные. Я не могла больше так рисковать. Придется работать на лесопилке.

* * *

Поначалу работа показалась мне достаточно интересной, так как нужно было общаться на лебрийском языке, который по сути является самым распространённым языком на планете Фриурус. Кроме того, я никогда раньше не имела дело с племенем пожирателей из Удрала. Их считали весьма трудолюбивым народом. Благодаря своему трудолюбию, а также населению свыше миллиарда человек, они могли быстро и качественно производить все, что душе было угодно. Нашей же душе было угодно покупать у них большие и маленькие магические шары, освежители воздуха и прочую необходимую в хозяйстве технику.

Поначалу мне выделили небольшой кабинет при магазине, в котором помимо меня работал еще один парень. Я бы даже уточнила: припадочный парень из племени кентавров. Дело в том, что у него были какие-то проблемы в личной жизни и он постоянно орал как бешеный на свою девушку. Все это делало мое и без того трудное привыкание

к новой обстановке еще более проблематичным. «Припадочный» был невысокого роста, с темными волосами и дикими выпученными глазами. Иногда, когда я пыталась сосредоточиться на подсчете проданной техники, он врывается ко мне в кабинет и начинал жаловаться на жизнь.

Мне нравилось мое рабочее место: оно располагалось в элитном районе, а не на той лесопилке, куда меня изначально пригласили проходить собеседование. Тут у меня было хоть какое-то личное пространство. Мой новый «кабинет» представлял собой закуточек площадью около трех квадратных метров, и все бы ничего, только вопли этого припадочного меня постепенно начинали выбешивать.

Мои просьбы немного сбавить тон оставались без внимания. Создавалось ощущение, что «припадочному» дали задание постепенно меня вытравить из моего маленького, но зато своего, кабинета на лесопилку, где работало множество странных личностей, с которыми я не особо горела желанием контактировать.

Вскоре так и случилось: после очередной «неудачной» инвентаризации, по итогам которой якобы не досчитались оборудования, мне ничего не оставалось, как собрать вещи и ехать работать в офис, располагавшийся на лесопилке. Так я стала работать в поле физической досягаемости Рыбата, любившего ко всему прочему погулять на стороне от своей жены. Как-то так само собой получалось, что у меня на ровном месте возникали непреодолимые проблемы, и раз-

решить оные мог только Рыбат.

* * *

Вскоре причина моего вынужденного переезда стала абсолютно очевидной. Как я ни старалась, но не удалось избежать моего заселения в кабинет Харамы – ходячего холодильного шкафа из племени кентавров. Харамка представляла собой, наверное, самую огромную особь из всех когда-либо живущих кентавров, и остальные особи ее, мягко говоря, за это побаивались. Она была высокого роста, с широкими плечищами и неизменно носила синюю тунику длиной ниже колена. Ее лицо выражало вечное недовольство этой жизнью: беспорядочно растущие брови были вечно приподнятыми, а выцветшие контуры стрелок над глазами, оставшиеся от некогда перманентного макияжа, дерзко вздымались вверх и лишь дополняли этот образ ходячего монстра.

Сестра Харамы давно переехала в Лебрию и вышла там замуж. Я сразу догадалась, в чем собственно было дело: раз кентавры решили отнять мой магический зонт – значит, они его непременно отнимут.

Не дожидаясь, пока снова разразится битва, я решила отдать зонт сама. В один прекрасный день я принесла его на работу и швырнула в толстую рожу Харамы. Зонт смачно треснул ей по морде и отлетел, но волшебства не последовало.

После этого происшествия мне пришлось переехать в дру-

гой кабинет. Как назло, единственным свободным кабинетом оказался кабинет Рыбата.

* * *

Я постепенно привыкала к новой обстановке: в кабинете находилось пять столов, за которыми работали остальные сотрудники. На стенах висели подобия картин: какие-то осенние лепестки и живописные пейзажи. У входной двери стоял шкаф с документами, а рядом, в центре одной из стен, располагалось небольшое окошко в параллельный кабинет. Оно мне чем-то напоминало окошки в компании по аренде велосипедов в Лебрии. В него тоже постоянно в самый неподходящий момент просовывались чьи-то рожи и отвлекали меня от важных дел. Ну почему меня всюду преследуют эти маленькие окна-монстры?!

В один из вечеров позвонил Рыбат и сказал, что у него есть ко мне важный разговор. Поскольку Рыбат был единственным более или менее грамотным и адекватным кентавром на моей работе, я не могла проигнорировать его просьбу, если не хотела окончательно остаться без работы и денег.

К моему удивлению, Рыбат повез меня на какую-то незнакомую квартиру. Я понимала, что кричать и вырываться бесполезно: я была совершенно одна, без какой либо защиты. В тот момент я окончательно возненавидела Морта: он бросил меня на съедение этим кентаврам. Я всегда хотела при-

надлежать одному мужчине. Однако кентавры решили вместо меня, скольким мужчинам я буду принадлежать.

На следующий день в офисе вскоре после моего заявления о том, что я ищу новую работу, я вдруг второй раз за свою жизнь потеряла сознание. Мы пили чай, и я просто внезапно почувствовала, что превращаюсь в привидение. Оказалось, что у меня всего-навсего упало давление. Так сказала Харама, прибежавшая мне его измерять.

Так я поняла, что Рыбат затесался в мою интимную жизнь надолго. По крайней мере, пока я втихаря не найду новую работу.

* * *

Шли дни. Ничего нового не происходило. Жизнь стала серой и потеряла всякий смысл. Я никак не могла смириться со своей новой участью. Дело в том, что для некоторых категорий кентавров считается абсолютно нормальным иметь несколько жен. Харама, например, вот уже много лет была второй женой какого-то кентавра и даже родила ему ребенка. Окружающие, которые начали догадываться о нашей с Рыбатом интимной связи, уже прочили мне место его второй жены. А я начинала ненавидеть и свою жизнь, и всех вокруг.

Как-то мне написал Лео, бывший коллега из посольства. Он тоже был лебрийцем, но, в отличие от некоторых, интересовался моей жизнью. Лео спрашивал, почему я уехала

из Лебрии и была ли довольна своей работой и жизнью. Конечно же, я не была довольна ни работой, ни жизнью. Но я не стала жаловаться ему на это. Я лишь спросила, не видел ли он Морта.

Лео его не видел. Более того, даже если бы он его и видел, то навряд ли в этом признался. В свое время Лео пытался ухаживать за мной, но я предпочла ему Морта. Мужчины такое не прощают. Вот и сейчас мне почему-то казалось, что Лео нравится, что Морт исчез.

Мое сердце было разбито: любимый мужчина пропал, нелюбимый залез ко мне в постель, а окружающим все происходящее доставляло удовольствие. Я чувствовала, что эволюция где-то дала сбой. Мы слишком рано превратились в людей. Лет тысяч эдак через восемь было бы в самый раз.

* * *

А тем временем лебрийцы и кентавры не прекращали борьбу за мой зонт, хотя тот уже явно всем показал, что не будет работать через силу. Но это мало кого волновало.

На горизонте появилась новая «звезда». Звезду звали Нана, и она тоже хотела мой зонт. Нана была женой лебрийского дипломата, также раньше работавшего в Триулесе, и поэтому считала себя вправе топтать ножкой и требовать мой зонт. Обо всем этом я тоже узнала из магического шара, который теперь круглосуточно посылал мне намеки.

Каждый раз, когда я заходила в магическую социальную сеть, меня уже поджидала наглая, но симпатичная физиономия Наны в обнимку со своим мужем Нито. Они совсем не подходили друг другу: она маленькая, с темными волосами и карими глазами, а он – смуглый накачанный гигант. Они даже не столько были разными внешне, сколько внутренне: она мне казалась нахальной особой, а Нито был добрейшей души человеком. Мы несколько раз пересекались по работе, так что я знала его лично. А на одной из вечеринок мы даже станцевали медленный танец.

Так я и жила: с одной стороны наглые зазнавшиеся кентавры, а с другой – еще более обнаглевшие оборотни, тянущие мой зонт каждый в свою сторону.

За приключениями моего зонта уже начал наблюдать весь Фриурус. Все включились в эту борьбу, словно обладателю зонта суждено было стать властелином нашей планеты.

Не растерялись пожиратели из Удрала: они пошли на хитрость. Им было крайне выгодно все происходящее: пока орлы, кентавры и оборотни боролись между собой, в мире падали цены на энергоресурсы. Помимо всего прочего, в Удрале жило почти два миллиарда пожирателей, и они все еще продолжали размножаться. Близкое соседство с Супреей, находившейся под санкциями оборотней, было для них как раз кстати. Как хорошие соседи, они всегда готовы были поддержать Супрею. Только вот орлам предстояло отдавать удральцам свои территории за просто так.

Так вот удральцы придумали интересный выход из сложившегося тупика: пусть вместо одного властелина на Фриурусе их будет три. Пожиратели всячески на это намекали в переписке и в разговорах. Вскоре весь Фриурус стал жить в режиме цифры три. Везде в новостях мелькала цифра три. Тут купили три дирижабля, там погибло три оборотня, тут спасли три пожирателя.

Удральцы представляли собой сплоченный народ. Их основной способностью было превращаться в саранчу и нападать на противника стаями. Оборотни, кстати сказать, их очень боялись. Лебрия переживала, что потеряет свое экономическое и военное превосходство на Фриурусе.

Мне затея с тремя властелинами не понравилась с самого начала. Получалось, что одним из этих властелинов буду я. Но за мной никто не стоял: кентавры меня ненавидели, орлы не считали за свою, так как я жила в Триулесе. Кто будет защищать меня и мою семью в случае чего? Никто. Я всячески пыталась донести это до пожирателей, но им было плевать. Мои проблемы никого не волновали.

Обстановка начала постепенно накаляться. Я уже отчаялась найти новую работу. Все, чего я теперь хотела, это просто уйти от всей сложившейся ситуации и начать преподавать лебрийский на дому. Я мечтала от всего абстрагироваться и жить своей тихой спокойной жизнью.

Помимо Рыбата меня стали домогаться другие сотрудники. Один из них, по имени Ануслан, отправлял мне грязные

пошлые сообщения. Моему терпению пришел конец, и я сообщила своему руководству об уходе.

Меня долго не хотели отпускать, поэтому пришлось несколько дней просто не ходить на работу. Когда же я пришла за вещами, начальник вызвал меня к себе.

– Что случилось, – спросил он, словно не понимая моего решения.

У него у самого было несколько жен. При всем при этом он и меня умудрился пару раз позвать с собой на море. Я лишь делала вид, что не понимаю его намеков. А его вторая жена как-то даже вызвала меня к себе и начала намекать, что в случае чего оторвет мне голову. Кому ее старый безграмотный пердун вообще нужен?!

– Я решила уйти от вас. Мне тут плохо, – сдержанно ответила я.

– В чем причина? Почему ты так внезапно решила уйти? – продолжал притворяться непонимающим мой почти уже бывший начальник.

– Помните, вы сказали, что я должна буду работать у вас до пенсии? – срывающимся от обиды голосом спросила я.

– Да, – нахмурившись, ответил начальник.

– А вы обеспечили мне условия, чтобы я тут работала? Почему меня домогаются все, кому не лень? Я что кому-то давала повод? Если у меня супрейское имя, фамилия и отчество, значит, автоматически для вас, кентавров, я становлюсь девушкой легкого поведения? – еле сдерживая слезы,

выпала я.

– Кто тебе такое сказал, – занервничал начальник.

– Мне не сказали. Мне доказали уже. – Я активировала маленький магический шар, который все это время держала в руке и нашла ту пошлую картинку, которую мне на днях прислал Ануслан. Зная, что у моего начальника подрастает дочь, я задала ему вопрос: – А если бы вашему ребенку такое прислали, как бы вы отреагировали?

Взглянув на картинку, начальник пришел в бешенство. Он выругался на своем кентаврийском, а затем продолжил:

– Кто это тебе прислал?

– Ануслан.

– Давай я его отругаю.

– Нет, не надо. Я не хочу работать с такими людьми. Я решила преподавать дома лебрийский язык.

– Хочешь, я позвоню его отцу, он приедет, – не сдавался начальник. Я знала отца Ануслана. Он занимал хорошую должность в полиции, и у него было свое кафе. Последний новый год мы справляли в этом кафе. Папа, кстати, был намного воспитаннее сыночка. Тот же был самым настоящим папенькиным сыночком.

– А что это его отец мне прислал эту картинку? Зачем его звать? Давайте я просто пойду – и все. Мне надоело уже разбираться в этом. – Я поднялась и вышла.

– Подожди, Эмилия, Эмилия...

Я зашла к себе в кабинет и быстро покидала в сумки свои

вещи: портреты родных, книжки, тетрадки и прочие предметы. По-видимому, начальник приказал Ануслану передо мной извиниться, потому что, когда я собирала вещи, он подошел ко мне и начал задавать вопросы. Я еще раз взглянула на высокого худощавого темноволосого кентавра и попыталась понять, что ему от меня было нужно. С первого взгляда он казался даже добрым, во всяком случае, в его карих глазах я не увидела никакой злости, хотя накануне я обматерила его за то, что он прислал мне эту пошлую картинку. Он все что-то пытался сказать, а я его не слушала и собирала вещи. В какой-то момент он обозвал меня дурой и замахнулся, чтобы ударить. В ответ в его сторону полетел огромный принтер и все, что попало мне под руку. Очень жаль, что принтер не долетел непосредственно до головы Ануслана. Может, тогда в его не обремененной интеллектом головушке, благодаря соприкосновению с принтером, произошел хотя бы какой-то сдвиг и нейроны его мозга начали бы передавать правильные сигналы в нужные места.

Так я освободилась от угнетающего меня Рыбата и ненавистой работы.

Глава 3

Прошло несколько месяцев. Я все это время спокойно работала дома: преподавала лебрийский детям и взрослым. Даже среди моих учениц появились охотницы за зонтом. Одной из них стала Арлина. Ее ко мне отправили орлы, наблюдавшие все это время за моими мучениями со стороны.

Арлина была вполне достойной моего зонта. Она была не только красавицей, но и умницей: высокая, худенькая, зеленоглазая, она всегда выполняла все заданное на дом. Да только вот зонт упорно отказывался творить волшебство в чужих руках. Когда я поняла, что орлы с оборотнями наконец более или менее договорились по поводу кандидатуры Арлины, я решила сама передать ей злополучный зонт. Мне от него все равно не было никакой пользы. Я хотела как можно скорее с ним распрощаться и забыть все это как страшный сон.

В надежде раз и навсегда избавиться от зонта я однажды исподтишка сунула его в сумку Арлины, когда та уходила домой после очередного урока. Мне казалось, что если он попадет в достойные руки, то волшебство все же начнет случаться.

Распрощавшись с зонтиком, я решила заняться личной жизнью. Дальше горевать по Мортю было невозможно. Для меня он словно умер. По умершим можно горевать долго,

но нельзя на этом заикливаться.

Зная, что клин вышибают клином, я решила снова влюбиться. Но в кого? Вокруг сновали одни полоумные, ненавидящие меня кентавры. Я даже хотела записаться в спортивный зал, чтобы встретить там кого-нибудь посимпатичнее. Мне хотелось познакомиться с сильным спортивным мужчиной, поддерживающим здоровый образ жизни.

* * *

Как-то вечером, когда я сидела возле магического шара и с грустью просматривала события дня, мне вдруг пришла идея открыть специальную страничку со знакомствами. Претендентов на мое сердце оказалось уйма. Тем не менее им всем чего-то не доставало. Я подсознательно сравнивала их с Муртом. Они существенно проигрывали рядом с ним.

Только один из них показался мне достойным моего внимания. Как я и хотела, он оказался высоким симпатичным спортсменом-боксером. К тому же у него были приятные серо-зеленые глаза – мой любимый цвет. По его манере общаться я поняла, что он был не из Триулеса. Затем он сам объяснил, что прилетел к нам по работе из Супреи.

Меня это сначала насторожило: я уже имела опыт отношений на расстоянии, которые закончились полнейшим крахом. И теперь я не испытывала ни малейшего желания заново проходить через этот ад. Но незнакомец настойчиво мне

написывал целую неделю и просил о встрече. Да и мне он очень понравился. Мы были с ним в чем-то похожи: он тоже рано остался без родителей. Точнее, родители у него были, но его почему-то воспитывала бабушка. Несмотря на это, он вырос достойным человеком и придерживался здорового образа жизни.

Спустя неделю уговоров я не выдержала и согласилась на свидание. Мы встретились возле кинотеатра в надежде посмотреть какой-нибудь фильм и, может, даже пообниматься на последних рядах. Но, как и многое в Триулесе, кинотеатр не работал. Он был закрыт, и фильмы в нем не показывали.

Моего незнакомца из магического шара звали Харт. Увидев его впервые, я была приятно удивлена. В реальности он оказался еще выше, чем я представляла. У него были темно-русые волосы и добрая улыбка.

Между нами не возникло того стеснения, которое обычно бывает между людьми на первом свидании. Уже через несколько минут он взял мою руку в свою, и мы отправились гулять по городу.

Дабешах, столица Триулеса, был самым красивым городом в стране. В тот вечер он мне показался особенно прекрасным. Приятный свет фонарей озарял наш путь. Время как будто замедлилось. Несмотря на холодную погоду, мы шли спокойным шагом, держались за руки, и нам было тепло рядом. В воздухе пахло зимней свежестью. Мимо проез-

жали машины. Навстречу нам шли люди, но мы их не замечали. Мы шли и разговаривали. Он рассказывал мне о своей семье, а я ему – о своей. Нам как-то сразу стало очень уютно рядом друг с другом. Настолько уютно, что в какой-то момент в моей голове невольно возник вопрос: а действительно ли я любила Морта? Мне даже стало страшно оттого, что я могла потратить столько лет на человека, думая, что люблю его. Но тогда что было тем новым чувством, которое я испытывала сейчас, идя рядом с этим новым в моей жизни мужчиной, которого я знала всего ничего? Как такое было возможно?

В какой-то момент разговор начал замедляться. Так бывает, когда все важное уже сказано и люди начинают понимать друг друга без слов. Не вербально, а на уровне жестов. Я вдруг почувствовала непреодолимое желание попробовать Харта на вкус. Словно уловив мое желание, он затащил меня в первый попавшийся закоулок и, крепко сжав в своих бойцовских объятиях, поцеловал. Его полные губы коснулись моих, и по моему телу пробежала волна счастья. Я снова была влюблена.

В детстве я смотрела много разных сказок, где прекрасный принц целует спящую принцессу и она просыпается после тысячелетнего сна. Мне это казалось такой ерундой.

Стоя в том темном переулке, зажатая в объятиях Харта, я ощущала себя именно такой принцессой. Его поцелуй словно снял с меня проклятье, наложенное злыми волшеб-

никами. Я словно спала все это время. А он заставил меня проснуться и снова начать жить полноценной жизнью. Такой жизнью, какой должны жить все без исключения люди. Любить и быть любимыми.

Казалось, мы могли простоять вечность в объятиях друг друга. Но мы не могли себе этого позволить. Проблема заключалась в том, что по законам Триулеса Харт, как иностранец, не имел права со мной встречаться, иначе ему грозило пятнадцать лет тюрьмы. По той же самой причине мы никогда не могли открыто встречаться с Мортон: всегда проводили вечера у него дома, пытаясь реже бывать на публике.

Харт медленно взял меня за руку, и мы пошли искать укромное местечко. Впереди нас шло несколько человек. Время было позднее, улицы начинали постепенно пустеть. Метров через сто мы набрали на небольшой заброшенный сквер. Раньше это был красивый парк, но теперь тут было темно и безлюдно. Не было даже скамеек.

На мне было одето легкое пальто: собираясь на свидание, я не рассчитывала, что прогулка затянется на столько. Теперь мое тело пробирала мелкая дрожь. Пытаясь меня согреть, Харт обнял меня и предложил поехать к нему. В этом же темном парке он поведал мне страшную тайну: оказывается, он тоже работал в посольстве... только в посольстве Супреи.

Поначалу я была немного озадачена. Имея негативный опыт общения с женщиной из лебрийского посольства, мне

как-то не очень хотелось снова втягивать себя в это болото. Мне хватило всего того, что уже свалилось на мою бедную голову за последние полтора года.

Но Харт уже успел расположить меня к себе, и поворачивать назад не имело смысла. Я уже хотела быть рядом с ним до конца жизни. Мы рассказали друг другу о наших семьях и знали, что каждый из нас хочет создать свою семью. Тревога, возникшая в связи с этой новой свалившейся на меня информацией, постепенно уступила место чувству надежды. Надежды на то, что в этот раз все будет хорошо. Словно жизнь снова и снова посылала мне одно и то же испытание, чтобы я чему-то научилась и стала лучше.

И я старалась учиться. Но постепенно. Несмотря на настойчивость Харта, я уговорила его отвезти меня домой. Не прыгать же мне в его постель на первом свидании. Хотя мы и знали друг друга уже целую неделю. Но фактически наше свидание было первым.

Харт поймал такси и настоял на том, что поедет со мной и убедится, что я доехала до дома в целости и сохранности. В машине на протяжении всего пути он держал мои руки в своих, пытаясь их согреть. Приехав к моему дому, мы решили еще немного постоять на аллейке напротив моего подъезда.

Так мы простояли около часа на морозе. Харт ни в какую не хотел расставаться. Я тоже не хотела, но нужно было соблюдать правила приличия. Однако после долгих уговоров я

не выдержала и все-таки согласилась поехать к нему. В конце концов, живем мы всего один раз. Если постоянно сковыдывать себя всеми имеющимися рамками приличия, можно пропустить главное.

Лицо Харта просияло, словно в его душе кто-то устроил фейерверк. Спустя около получаса мы подъехали к большому дому, где жили и другие сотрудники посольства. Его комната располагалась на втором этаже и была на удивление чистой. Харт оказался до безумия чистоплотным человеком, чем я, к сожалению, не могу сама похвастаться. В комнате было две кровати и два окна. Ощущалось, что это лишь временное пристанище, а не постоянное место обитания. Несмотря на идеальный порядок, вещи лежали так, чтобы их в любой момент можно было наскоро собрать и покинуть это место.

Я скромно присела на край кровати, наблюдая за тем, как Харт переодевается. Он снял с себя верхнюю одежду, словно желая раздражить кубиками своего пресса, и вопросительно взглянул на меня. Я только улыбнулась в ответ. У нас был уговор, что секса в эту ночь не будет. Харт подошёл ко мне, поднял меня с одной кровати и повалил на другую, так что я оказалась под ним. Отступить было некуда: пришлось покориться.

Он принялся жадно меня целовать, снимая с меня одежду. Мое сердце готово было выпрыгнуть от волнения: больше всего на свете я боялась разочароваться в нем физически.

Он привлекал меня внешне и внутренне, но я не была уверена, что когда-нибудь встречу человека с таким же «достоинством», как у Морта. Пока я обо всем этом думала, «достоинство» Харта уже успело проникнуть в мою плоть и... О, боги!!! О ком я там думала... Морт? Что еще за Морт?!

Еще одна галочка была мысленно мною поставлена в пользу Харта. Я не считаю себя нимфоманкой, но секс очень важен в отношениях между мужчиной и женщиной. Без хорошего секса нет той самой искры, которая зажигает обоих. Нет ничего лучше примирительного секса. Я люблю секс. Это естественно любить секс. Секс – это жизнь. Все начинается именно с него.

Первая близость с Хартом доставила мне массу удовольствия. Спустя некоторое время мы спустились в столовую для перекуса. Моему бойцу нужно было подкрепиться. Мы сидели за столом, ели и смотрели друг на друга, не веря своему счастью. Харт даже заметил, что я изменилась в лице. Зайдя в ванную и посмотрев на себя в зеркало, я поняла о чем он говорил: я действительно изменилась в лице, потому что оно сияло радостью и счастьем. В моих глазах зажегся огонек надежды. И в целом у меня был вид удовлетворенной, довольной жизнью женщины.

Та ночь была незабываемой: Харт оказался неутомимым. Мы занимались любовью несколько часов, пока не заснули в объятиях друг друга. Рано утром он разбудил меня поцелуем, и волшебство продолжилось.

Следующий день был одним из самых счастливых дней в моей жизни: я испытывала легкость и пьянящее чувство эйфории. Жизнь заиграла новыми красками. У меня появилась новая любовь.

Приехав домой, я хорошенько выспалась и рассказала тете о том, что встретила достойного мужчину. Тетя Маар сразу начала интересоваться, кто он и чем занимается. Узнав, что он сотрудник супрейского посольства, тетя удивилась:

– Ты что их специально отбираешь?

– В смысле?

– Твой прежний парень тоже был из посольства...

– Так тот был из лебрийского, а этот – из супрейского! – наивно ответила я.

– Что-то странно все это, – тревожно произнесла тетя Маар.

– Да ладно тебе, глупости какие-то. Мы случайно познакомились через магический шар. Я даже не знала сначала, что он там работает, прежде чем согласилась на свидание, – натянуто улыбаясь, пыталась успокоить я тетю. Хотя не знаю, кого я в действительности больше успокаивала: ее или себя.

Мне тоже это казалось достаточно странным. Но я всеми силами пыталась отогнать дурные мысли.

Ночью случилось что-то непонятное: во всех зеркалах мне

начала являться тень Морта. Тень была прозрачной и еле заметной для глаз. Тем не менее это наводило на меня ужас. Он буквально преследовал меня.

Решив как-то развеяться, я включила магический шар и обнаружила, что где-то упал дирижабль и погибли люди. По всему чувствовалось, что начало обостряться противостояние между орлами и оборотнями. На этот раз были невинные жертвы в Раинуке. Та граничила с Супреей, и недавно там произошла смена власти, что привело к конфликтам в регионе. Теперь именно Раинука была негласным полем для сражений между орлами и оборотнями. Над моим магическим шаром то и дело кружила стая орлов, летающих над разъяренными оборотнями. Зрелище не для слабонервных.

От всех этих новостей мне стало не по себе. Я только начала приходить в себя от недавних потрясений и лишений в моей жизни. Неужели опять придется проходить через все это заново?

Выключив магический шар, я повернулась и устроилась на кровати поудобнее. Положив руку под подушку, я вздрогнула. Неужели опять он?! Может, я уже заснула и мне снится кошмар? Этого не может быть! Я откинула подушку и узрела светящийся в темноте кроваво-красный зонт. Мое сознание отказывалось в это верить. От бессилия я положила голову на подушку и тихо заплакала.

Куда мне бежать от этого поганого зонта? Неужели я обречена всю жизнь сражаться за него с окружающим миром? Я ненавижу этот зонт: я его уже и ломала на кусочки, и жгла, и дарила. Почему он упорно лезет в мою жизнь и сейчас, когда она только начала возвращаться в нормальное русло?!

Пока он существует, мне не будет покоя. Сонная, с заплаканными глазами, я пошла умыться. Зайдя в ванную, я снова увидела в зеркале тень Морта. Тут меня осенило. Что если зеркало является порталом к нему? Наши отношения закончились внезапно. Точнее, они до сих пор не закончились. Нет, у меня-то с ним отношения уж точно закончились после того, как он и группа его оборотней бросили меня одну на съедение кентаврам.

И вот теперь, когда я разгребла ту кучу дерьма, которую они на меня навалили, выясняется, что, оказывается, у Морта со мной отношения все еще не завершились. Может, ему нужна психологическая помощь? Я слыхала о том, что необходимо закрывать гештальт со своими бывшими, чтобы новые отношения были свободными от прошлых ошибок. Наверное, мне именно так и нужно поступить с Мортом – закрыть с ним гештальт окончательно и бесповоротно. И я сделаю это прямо сейчас, пока еще кто-то не умер.

Босая, в одной ночнушке, я схватила зонт и подошла к зеркалу. Закрыв глаза, я дотронулась до тени Морта в зер-

кале и затаила дыхание. В следующее мгновение я почувствовала, как тень втягивает меня внутрь. Секунду спустя я открыла глаза и увидела перед собой длинный темный тоннель. Меня пробирал холод и жуткий страх. Но отступить назад я была не намерена. Там, за стеклом, мирно спала моя семья. Я не имею никакого права рисковать их жизнями. Я верну проклятый зонт Морту и закончу этот кошмар. Если он меня действительно когда-то любил, должен желать мне хорошего. Он обязан отпустить меня раз и навсегда. Я, моя семья и весь мир стали невольными заложниками всей этой ситуации. Он должен меня отпустить, и он отпустит.

* * *

Сжав зонт покрепче, я побежала по тоннелю. Это был тоннель в прошлое: вот справа я стою в аэропорту с заплаканными глазами после прилета из Лебрии, вот я плачу в библиотеке после сообщения о смерти сестры, а вот и отель. Я замедлила шаг, увидев впереди тот самый мост, на котором я рухнула в обморок. А вот и та самая скамейка, где Морт приводил меня в чувство. В темноте было плохо видно, но на скамейке кто-то сидел. Подойдя ближе, я увидела Морта.

Он сидел там, опустив голову на руки, так что я не могла разглядеть его лица.

– Морт, я пришла сказать, что между нами все кончено. Много невинных людей погибло и еще погибнет, если мы

не закончим все это здесь и сейчас...

– ...

– Морт, возьми этот зонт, он мне не нужен. После смерти моей сестры наши отношения потеряли всякий смысл: я не могу жертвовать своей семьей ради нашей любви. Любви больше нет. Я встретила другого мужчину, мы любим друг друга.

– ...

– Морт, ты слышишь меня? Ты должен, обязан меня отпустить. Я и моя семья в опасности. Окружающие страдают... Морт?!

Морт меня не слышал. Словно я была каким-то призраком. Я дотронулась до него, но он даже не шелохнулся. Я принялась его трясти – безрезультатно. Будто кто-то накачал его транквилизаторами. Он просто откинулся на спинку скамейки и устремил пустой взор в темное небо.

В отчаянии я швырнула зонт в сторону, села на землю и зарыдала. Что теперь делать? Как снять с нас это проклятие?!

Обняв колени руками, я тихо рыдала еще долгое время. На скамейке рядом безмолвно сидел Морт. Я не смогла бы от него ничего добиться, даже если бы просидела тут всю вечность.

* * *

На следующее утро я проснулась в своей кровати, будто и не было этого ночного происшествия. И только лежащий рядом ярко-красный зонт напоминал: кошмар еще не закончен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.